

Конспекты лекций по учебной дисциплине: «История России и Украины в первой половине 19 в. ч.1. (социально-экономическое развитие)»

ТЕМА 1. АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Лекция 1. Российская империя в первой половине XIX в.: административное деление, территория, население

1. Территория и природно-климатические условия.
2. Административно-территориальное деление империи.
3. Население: общая характеристика.
4. Этнический и религиозно-конфессиональный состав населения.

1. Территория и природно-климатические условия. Территория России в начале XIX в. охватывала значительную часть Восточной Европы, Северную Евразию, Аляску и Закавказье. В начале XIX в. территория Российской империи составляла 16 млн. км²., а в середине столетия ее площадь увеличилась до 19,6 млн. км². Она была и остается самым крупным государством в мире. Сопоставимые с ней страны, такие как Канада, Китай, США, располагают территорией в 9–10 млн. км².

Одни территории России оказались в составе империи в результате завоевания, другие были присоединены по договору. В результате войн с Францией и Швецией в состав государства вошли Финляндия (1809), Царство Польское (1815). Итогом Кавказской войны, затянувшейся с 1817 по 1864 г. и стоившей жизни 200 тысячам российских солдат и офицеров стало завоевание Чечни, Дагестана и Адыгеи. Характер договора носило присоединение к России Бессарабии (1812), Азербайджана (1813), Восточной Армении (1826). В 1846 г. в состав России вошел старший жуз Казахстана. Полный императорский титул отражал рост Российского государства, законность завоеваний и присоединений, так как признавался всеми государствами, с которыми Россия имела дипломатические отношения. К середине XIX в. наметилась стабилизация территории европейской части России, в то время как дальнейшее расширение границ империи происходило за счет новых азиатских владений.

Территория России располагалась в пределах четырех климатических поясов – от арктического до субтропического. В одном только умеренном поясе насчитывалось 12 климатических поясов. Средняя температура января колебалась по регионам от 0° до –50°С, а средняя температура июля также имела большой перепад – от +1° до 24–25°С. Такой диапазон природно-климатических условий России обусловил значительное разнообразие ландшафта, растительности и почв, которые в свою очередь оказывали

огромное влияние на плотность расселения, образ жизни и хозяйственные занятия населения.

Около $\frac{2}{3}$ территории страны находилась в зоне действия неблагоприятных факторов – длительной и холодной зимы, преобладания малоплодородных и неплодородных почв. По сравнению с Финляндией, где благодаря влиянию теплого течения Гольфстрим и горного щита, ограничивавшего проникновение арктического воздуха среднегодовая температура составляла $+1,5^{\circ}\text{C}$, Россия выглядела настоящим «полюсом холода» с среднегодовой температурой $-5,5^{\circ}\text{C}$. Даже наиболее обжитая европейская часть страны и Южная Сибирь находилась в зоне рискованного ведения хозяйства. На практике это означало, что в России по сравнению со странами Западной Европы для ведения хозяйственной деятельности требовались несопоставимо большие трудовые и энергетические затраты. Продолжительность сельскохозяйственного года в России составляла в среднем 5 месяцев (с начала мая по начало октября), в то время как во Франции, Германии или Англии работы в аграрном секторе производства можно было вести в течение 8–9 месяцев за исключением декабря и января.

Нередко в России происходили засухи и весенние заморозки. Уступала Россия странам Западной Европы и по количеству осадков. На рубеже XVIII–XIX вв. среднегодовое количество осадков (450 мм) было на треть меньше, чем в соседних провинциях Австрийской империи, и вдвое меньше, чем в Северо-Западной Европе, а также в земледельческих штатах США.

Под воздействием неблагоприятных природно-климатических факторов чистый выход растительной биомассы в центнерах с десятины в среднем по России в 2–2,5 раза ниже, чем в Западной Европе, и в 3–5 раза ниже, чем в субтропических странах Дальнего Востока и основной части США. Поэтому для получения равного объема сельскохозяйственной продукции русский крестьянин должен был обрабатывать как минимум вдвое большую площадь или вдвое интенсивнее трудиться. Сторонники географического детерминизма и, прежде всего, Л.В. Милов считают, что тяжелые, суровые природно-климатические условия России, оказали решающее влияние на развитие не только экономики, но также российского государства и общества, установив режим крепостничества, для поддержания которого необходимо было сильное государство. При малопродуктивном, неустойчивом и рискованном хозяйстве можно было выжить только при условии солидарности крестьянства. Отсюда произошли общинные формы жизни, поскольку община обеспечивала взаимную поддержку, помогала бедным и т. д. Вместе с тем, объяснять несовершенство государственно-политического устройства и системы общественных отношений России по сравнению со странами Западной Европы лишь неблагоприятными природно-климатическими условиями было бы ошибочным упрощением. Вполне очевидно, что в данном случае в комплексе действовало сразу несколько факторов. Причем природно-климатические условия играли отнюдь не ключевую роль.

Несмотря на недостатки природной среды в России, ее природа позволяла получать в больших количествах сырье и материалы. Таким образом, нелегкая среда обитания для людей компенсировалась колоссальными запасами самых разнообразных природных ресурсов. В тоже время наличие огромных запасов природных ископаемых ограничивало стимулы для интенсификации производства. Кажущаяся неисчерпаемость ресурсов порождала расточительность и неумение считаться с необходимостью их экономии. Богатство природных ресурсов, которыми располагала Россия, обусловило ее специализацию в международном разделении труда. Если в начале XIX в. сырье и материалы составляли 78% к общей ценности российского экспорта, то к 1860 г. их удельный вес возрос до 93%.

Развитие международного обмена способствовало растущей зависимости стран аграрной и сырьевой экономики (Восточная Европа) от экономических центров, специализирующихся на производстве промышленных изделий и развитии сектора финансовых услуг. Развитые страны экономически были заинтересованы в сохранении российским хозяйством специализации поставщика дешевого сырья на мировой рынок.

2. Административно-территориальное деление империи. Россия являлась унитарным государством. Единство империи обеспечивалось и олицетворялось императором. Восшествие на престол каждого нового императора сопровождалось личной клятвой всего населения империи.

Правами автономии в составе Российской империи пользовалась Финляндия (официальное название «Великое княжество Финляндское»), которая в 1809 г. была разделена на 8 областей. Здесь существовало особое законодательство, сейм, собственная монетная и налоговая система. Финны, не имевшие до вхождения в состав России традиций государственности, не проявляли сепаратистских стремлений и были вполне довольны своим положением.

В 1815 г. Польша получила самую демократическую в Европе конституцию. Стремясь воссоздать независимое государство, поляки в 1830 г. подняли восстание и дважды готовили покушение на Николая I. После этого российское правительство обратилось к репрессивным методам решения польского вопроса: конституция была отменена, а автономия существенно ограничена.

Основу административно-территориального деления России, начиная с 1775 г. и вплоть до реформ 60–70-х гг. XIX в., составляли губернии и уезды (в Украине и в Белоруссии – поветы). Уже при Екатерине II число установленных в результате областной реформы губерний (40) увеличилось за счет присоединенных территорий до 51. Нечеткость этого административного деления сознавалась ее приемниками. Павел I уменьшил количество губерний, а при Александре I в 1802 г. число административных единиц составило 42 губернии. Всего в середине XIX в. в России насчитывалось 69 губерний. В среднем на губернию приходилось по 10–12

уездов. Каждый уезд состоял из двух станов во главе со становыми приставами.

Часть вновь присоединенных территорий на окраинах империи делилась на области. В начале XIX в. их было две (Таврическая и Область Войска Донского). Количество областей постоянно изменялось, а часть областей преобразовывалась в губернии.

Некоторые группы губерний были объединены в генерал-губернаторства и наместничества. В европейской части России в генерал-губернаторства были объединены три прибалтийские губернии (Эстляндская, Лифляндская, Курляндская), литовские (Виленская, Ковенская и Гродненская) губернии с центром в Вильно и три Правобережной Украины (Киевская, Подольская и Волынская) с центром в Киеве. Генерал-губернаторства Сибири в 1822 г. были разделены на два — Восточно-Сибирское с центром в Иркутске и Западно-Сибирское с центром в Тобольске. Наместники осуществляли власть в Царстве Польском (с 1815 по 1874 г.) и на Кавказе (с 1844 по 1883 г.). Всего в первой половине XIX в. существовало 7 генерал-губернаторств (5 на окраинах и 2 столичных — Петербург и Москва) и 2 наместничества.

С 1801 г. генерал-губернаторы подчинялись министру внутренних дел. Со второй половины XIX в. широко практиковалось назначение вместо обычных гражданских губернаторов военных губернаторов, которым кроме местной администрации и полиции были подчинены расквартированные на территории губернии военные учреждения и войска.

Управление нерусскими народами осуществлялось на основе «Устава об инородцах», разработанного М.М. Сперанским в 1822 г. для малых народов Сибири, Европейского Севера, Кавказа, калмыков и евреев. По мнению Б.Н. Миронова статус «инородца» не предусматривал какой-либо дискриминации. Прежде всего, это законодательство учитывало особенности общественного устройства местных народов. Инородцы подразделялись на оседлых, кочевых и бродячих, крещеных и некрещеных. В правовом отношении все они приближались к государственным крестьянам, а после 60-х гг. XIX в. — к сельским обывателям. Нерусские народы пользовались правом управления и суда по своим обычаям, своими выборными родовыми старейшинами и родоначальниками, а общим судам были подсудны только за тяжкие преступления. Их верхушка признавалась за «почетных инородцев» и на время пребывания в должности получала соответствующий чин и ей был открыт доступ в дворянство. Оседлые инородцы могли переходить в любое из сословий империи.

В начале XIX в. своеобразную автономию имел ряд княжеств в Западной части Закавказья, где бывшие феодальные правители — князья правили под надзором комендантов из русских офицеров. В 1816 г. на территории Грузии были образованы Тифлисская и Кутаисская губернии.

3. Население: общая характеристика. Население России в 1796 составляло 37.4 млн. человек, а в 1815 г. — 46.3 млн. человек. В 1851 г. по данным 9-й

ревизии численность населения Российской империи возросла до 69 млн. человек. Основными источниками демографического роста были присоединения новых территорий и естественный прирост нерусского населения. Рождаемость в России была в 1,5 раза выше, чем в Европе. Это привело к тому, что, начиная с 1760-х гг. Россия стала самым населенным государством в Европе. В 1762 г. на долю России приходилось 18% населения всей Европы (23.2 из 130.0 млн.), в 1800 г. – 22% (39 из 175 млн.), в 1850 г. – 27% (68.5 из 255 млн.). Только США опережали Россию по темпам роста населения.

Несмотря на довольно высокую смертность, средний уровень которой в городе составлял 49, а в деревне 35 на тысячу человек, естественный прирост населения империи был весьма значительным. В абсолютных цифрах этот прирост в первой половине века колебался от 400 до 800 тыс. человек ежегодно (в среднем 1% в год). Средняя продолжительность жизни в первой половине XIX в. составляла 27,3 года. Низкие показатели продолжительности жизни обуславливались высокой детской смертностью (свыше 300 на тысячу родившихся), малодоступностью квалифицированной медицинской помощи и периодическими эпидемиями. Сильнейшие эпидемии холеры свирепствовали в России в 1830 и 1848–1849 гг. Только в 1848 г. это заболевание унесло 668012 человеческих жизней почти по всей стране. В 1837 г. в России насчитывалось лишь 6,8 тыс. врачей, а в 1846 г. – 8,7 тыс.

Среднегодовой прирост населения заметно варьировался по отдельным районам России. Если самый низкий рост населения наблюдался в Белоруссии и Литве – 0,17%, в Нечерноземном центре и Северном районе – 0,36 и 0,56% соответственно, то лидерами по приросту населения являлись Новороссия (2%) и Северный Кавказ (3%). По расчетам проведенным В.М. Кабузаном значение Новороссии как основного колонизируемого района России начиная с 1815 г. падает, и на первое место выдвигается Северный Кавказ. Причиной послужило сокращение численности переселенцев, постоянно увеличивающееся число неурожаев и эпидемии холеры.

Большая по общей численности населения, Россия тем не менее, в начале XIX в. характеризовалась небольшой плотностью населения. Причем она существенно дифференцировалась по регионам. К примеру в наиболее густонаселенных центрально-земледельческом и промышленном районах плотность составляла 8 человек на 1 км², а в Сибири менее 1 человека на 1 км². Для сравнения: плотность населения в Западной Европе составляла 40–49 человек на 1 км².

Среди губерний европейской России высокими темпами роста населения выделялись лишь столичные губернии. Несмотря на значительный отток населения в южные и юго-восточные губернии центр европейской России оставался самым многолюдным. С ним сравнились Украина и Белоруссия. Плотность населения во всех этих регионах колебалась от 55 до 83 человек на 1 км². В целом неравномерность распределения населения по всей территории страны была весьма значительной.

Абсолютное большинство жителей России проживало в сельской местности. В начале века – 93,5%, в середине – 92,0%. Важной характеристикой демографического процесса стал все ускоряющийся процесс опережающего роста городского населения. За первую половину XIX в. численность городского населения увеличилась с 2,8 млн до 5,7 млн человек, т.е. более, чем вдвое (в то время как общая численность населения выросла на 75%). В первой половине XIX в. крестьяне составляли около трети всего городского населения. Поскольку многие города мало отличались от деревень, то горожане по своему жизненному укладу существенно не отличались от крестьян.

Удельный вес городского населения в это время в Англии составлял 72%, во Франции 37,4%, в Германии 48,5%, в Италии 25%. Эти данные говорят о невысоком уровне урбанистических процессов в России в XIX в.

4. Этнический и религиозно-конфессиональный состав населения. В территориально-этническом отношении Российская империя состояла из центральной части с преобладанием русского населения (Великороссии), к которой примыкали районы с родственными славянскими народами (украинцы и белорусы), из огромных переселенческих регионов Сибири, Дальнего Востока и Северного Кавказа, где также преобладало русское население, и национальных окраин, где проживали другие народы и народности.

Непрерывное увеличение территории России способствовало ее превращению в многонациональную империю. Этнический состав населения России был чрезвычайно пестрым. Ее населяло свыше сотни народов и этнических групп. Многонациональное государство сформировалось под влиянием сложного процесса, где воедино сплелись с одной стороны геополитические интересы России, требовавшие насильственного присоединения отдельных народов как это произошло, например, с горцами Северного Кавказа, а с другой стороны, необходимость защиты вступившего в состав империи на добровольной основе христианского населения Грузии и Армении. Исповедавшие христианство жители Закавказья осознанно выбирали протекторат России, рассматривая его как меньшее зло, по сравнению с возможностью геноцида со стороны Османской империи. Ряд народов оказался в составе России в силу географической близости, общности экономических интересов, давних культурных связей.

Подобное этническое разнообразие порождало сложный национальный вопрос, решение которого требовала большой гибкости от коронного правительства. Современные историки выделяют четыре основополагающих принципа в национальной политике России, которые, возникнув в XVIII в. и подвергнувшись незначительной модификации, служили своеобразным *modus operandi* для официальных властей не только в первой половине XIX в., но и вплоть до 1917 г.:

1. Сохранение существовавшего до вхождения в состав России административного устройства, местных законов и учреждений,

отношений земельной собственности, верований, языка и культуры. Могло пройти несколько десятилетий, а порой и столетий прежде чем вводились общероссийские порядки. Несмотря на длительное политическое доминирование русских в Казахстане продолжали действовать советы аксакалов, суд биев, институт рабства, разделение на жузы, или племена, курултаи, избиравшие ханов жузов. Таким образом, если население присоединенных территорий проявляло лояльность, то политика центральных властей характеризовалась толерантностью (Финляндия, Казахские Жузы), но стоило проявить сепаратизм (Польша) и автономия ограничивалась, а политика приобретала репрессивную направленность.

2. Сотрудничество центрального правительства с нерусскими элитами, которые в большинстве своем получали права русского дворянства, что облегчало для центральной власти управление новой территорией.
3. Создание некоторых преимуществ в правовом положении нерусских по сравнению с русскими.
4. Этнические и национальные критерии не служили определяющими для продвижения по социальной лестнице. Благодаря этому между социальным статусом и национальностью отсутствовала связь, а политическая, военная, культурная и научная элиты России были многонациональными, включавшими протестантов-немцев и финнов, татар-мусульман, католиков-поляков и представителей многочисленных нерусских народов. Например, доля нерусских среди чиновников в 1850-е гг. составляла 16%.

В этой связи представляется недостаточно обоснованной точка зрения о России как об империи колониального типа. Дело в том, что ее пространственно-географическая модель не сопоставима с системой эксплуатации Западной Европой своей колониальной периферии. Прежде всего, в отличие от европейских стран и их колоний, разделенных морями и океанами, Российская империя представляла собой, по мнению представителя французской школы «Анналов» Ф. Броделя «мир-империю, где в едином хозяйственно-географическом комплексе оказались слиты воедино метрополия и колонии». Не менее важны и политические установки, которыми руководствовалось самодержавие в своей бесконечной экспансии, рассматривая вновь приобретаемые территории как естественное продолжение России. С этих позиций различия между экономически более развитым центром страны и слабо развитыми окраинами трактовались главным образом как обусловленные лишь давностью заселения и культурно-экономического освоения. Важно также подчеркнуть, что российские власти не создавали резерваций для народов империи и не подвергали их геноциду.

ТЕМА 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Лекция 1. Сословно-социальная структура российского общества: основные тенденции и особенности развития

1. Сословно-корпоративная система.
2. Основные сословия и их статус. Изменения в положении традиционных сословий.
3. Новые социальные группы российского общества: генезис и особенности формирования.

1. Сословно-корпоративная система. Основные сословия и их статус. В первой половине XIX в. в России сохранялось типичное для феодального общества сословное деление общества. *Сословия* – это социально-правовые группы, каждая из которых отличалась своим юридическим положением, определенными правами и обязанностями в обществе; в развитом, сложившемся виде сословия характеризовались наследственностью, относительной замкнутостью, осознавали свое единство, закреплённое в общегосударственном масштабе. Если в Западной Европе начиная с XVIII в. сословный строй постепенно разрушался, то в Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в. наблюдалось его законодательное оформление. Крупнейшие российские дореволюционные историки (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков) усматривали завершение юридического оформления сословно-корпоративной системы в издании Жалованной грамоты дворянству и городам 1785 г.

Западные историки полагают, что законодательное оформление сословий в России прошло 2 этапа. Первый был связан с жалованными грамотами дворянству и городам в 1785 г., а второй – Сводом законов 1832 г. Здесь социальная структура русского общества получила юридическое оформление как строго сословная. Так, В IX томе («Законы о состояниях») Свода законов Российской империи определялось четыре главных сословия – дворяне, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели (городское сословие и крестьяне). При этом каждое из четырех сословий не составляло единого целого, а подразделялось на разряды, весьма различные по своему юридическому положению. Дворянство разделялось на два разряда – потомственное и личное, городское сословие – на пять, духовенство – на несколько по вероисповеданиям, крестьянство до отмены крепостного права – на несколько разрядов.

Признаки сословия состоят в следующем:

- 1) каждое сословие имеет специфические права и социальные функции, которые закреплены юридически в обычае или законе; 2) сословные права

передаются по наследству, следовательно, приобретаются по рождению; 3) представители сословий объединяются в сословные организации или корпорации; 4) сословия обладают специфическим менталитетом и сознанием; 5) сословия имеют право на самоуправление и участие в местном управлении или центральном государственном управлении (в сословно-представительных учреждениях); 6) существуют внешние признаки сословной принадлежности – одежда, особые украшения и т. п. С точки зрения престижа и предпочтительности сословия ранжировались по убывающей следующим образом: дворянство–духовенство–городское сословие–крестьянство. На основе такого деления сословия подразделяются на привилегированные (дворянство, купечество, духовенство), полупривилегированные (казачество) и податные (крестьянство и мещанство).

2. Основные сословия и их статус. Изменения в положении традиционных сословий. Господствующее сословие России в первой половине XIX в. – *дворянство* насчитывало 225 тыс. человек (0,5% всего населения). В 1785 г. «Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благородному российскому дворянству» закрепило за дворянами статус привилегированного сословия. Они получили право иметь герб, владеть землей и крепостными, занимать средние и высшие должности в системе государственного управления и армии. Дворянство было освобождено от всех налогов, повинностей, обязательной службы (только в случае чрезвычайных обстоятельств дворяне могли быть призваны на службу) и объединялось в губернские дворянские общества с правами самоуправления и юридического лица.

В дворянстве постепенно развивалось чувство дворянской чести и принадлежности к благородному сословию, которое во всем отличается от других классов населения. Даже русские просветители и писатели XVIII в. считали необходимым противопоставлять дворян народу, полагая, как, например, А.П. Сумароков, что дворянская мораль должна отличаться от крестьянской морали, или как Д.И. Фонвизин, что дворянин во всех отношениях должен стоять выше простолюдина. И действительно, в течение XVIII в. дворянство отрывалось от народа, чему в большой степени способствовало и правительство. Дворяне стали отличаться именем и фамилией, языком и образованием, манерами и одеждой (Жалованная грамота и последующие правительственные узаконения установили дворянскую униформу не только для мужчин, но и для женщин), западноевропейской ориентацией и менталитетом.

Дворянство стало предпочитать французский язык русскому и к началу XIX в. многие дворяне, особенно из богатых и аристократических семей, плохо говорили по-русски. Александр I был вынужден издать указ, запрещающий членам Государственного совета подавать свои мнения на французском языке. Образование дворянства также приобрело сословный характер, и дворяне стремились дать образование своим детям в закрытых

учебных заведениях, предназначенных специально для благородного сословия.

Таким образом, в 1785 г. дворянство приобрело почти все признаки сословия; 1) сословные права были закреплены в законе; 2) права являлись наследственными и безусловными; 3) дворянство имело сословную организацию в виде уездных и губернских дворянских собраний; 4) оно обладало сословным самосознанием и менталитетом; 5) дворянство имело право на самоуправление и участие в местном управлении; 6) оно имело внешние признаки дворянской принадлежности. По причине отсутствия в стране представительного учреждения у дворянства не было сословного представительства при верховной власти. Взамен этого дворянство имело сословный и независимый от коронной администрации суд, избирало из своего состава лиц на коронную службу в местных учреждениях и имело право подачи петиций о своих нуждах высшей коронной администрации и самому государю посредством адресов и через специально избранных депутатов.

Заметную роль в организации и консолидации дворянского сословия сыграло принятие 24 января 1722 г. "Табели о рангах" – государственного закона, вводившего разделение дворянства на потомственное и личное. При Петре I чиновник уже с 8-го ранга (коллежский асессор) получал потомственное дворянство, а с 14-го – личное дворянство. Для военных потомственное дворянство предоставлялось уже с 14 ранга – низшего офицерского чина прапорщика.

Не смотря на консолидацию дворянства в единое сословие, отдельные его представители дифференцировались по источникам получения дворянства. По источникам происхождения дворянство разделялось на следующие группы: 1) титулованное дворянство, т.е. дворянство, приобретенное на основании титула (граф, барон, князь и т. п.); 2) древнее или «столбовое», находившееся в составе дворянства в момент издания Жалованной грамоты в 1785 г. не менее 100 лет; 3) пожалованное императором; 4) приобретенное военной службой; 5) приобретенное гражданской службой; 6) приобретенное иностранными дворянами, перешедшими в русское подданство.

Особую группу среди дворянства составляли *личные* дворяне. С 1785 г. личные дворяне были освобождены от телесных наказаний, налогов, рекрутской повинности. В отличие от потомственных дворян они не имели права владеть крепостными крестьянами и записывались в особую часть городских обывательских книг, а не губернских дворянских книг, и не участвовали в дворянском самоуправлении. Личным дворянам основной доход приносили жалованье или пенсия за службу. По уровню жизни и другим признакам они приближались к мелкопоместному дворянству.

С точки зрения доходов, дворянство разделялось на беспоместных и мелкопоместных дворян, среднепоместных и крупнопоместных дворян. В первой половине XIX в. основным показателем материальной состоятельности дворянства являлись не размеры земельной собственности, а

число крепостных крестьян. При залоге имения в банк величина ссуды зависела не от количества земли в имении, а от числа крепостных. Беспоместные и мелкопоместные дворяне с числом крепостных мужского пола менее 20 считались бедными дворянами, среднепоместные дворяне владели от 21 до 100 крепостных, крупнопоместные дворяне с числом крепостных более 100 считались богатыми дворянами. Только среднепоместные и крупнопоместные категории могли вести образ жизни, достойный дворянина.

Дворяне, принадлежавшие к разным категориям, отличались не только доходами, но и образованием, так как дети получали образование в зависимости от состоятельности семьи. Образование давало преимущество при продвижении по службе и позволяло образованным чиновникам и офицерам достигать более высоких чинов. Разумеется, образ жизни дворянина в решающей степени определялся его доходами.

В 1858 г. личных и потомственных мелкопоместных дворян насчитывалось 614.3 тыс., или 69.1% всего дворянства; среднепоместных дворян, – 164.5 тыс., или 18.5%; крупнопоместных дворян, – 110 тыс., или 12.4%. Мелкопоместному дворянству принадлежало 3.2% всех крепостных, среднепоместному – 15.8% и крупнопоместному – 81% всех крепостных крестьян. Таким образом, двум самым малочисленным категориям дворянства принадлежала большая часть крепостных. Среди бедного дворянства наблюдалось довольно значительное число деклассированных элементов, которые нигде не служили, не получили никакого образования, не имели крепостных, потеряли дворянское достоинство и по своему положению приблизились к крестьянству. По приблизительному подсчету Министерства внутренних дел, таких лиц насчитывалось в 1846–1847 гг. до 109 тыс. мужского пола.

Пытаясь «очистить» дворянство от выходцев из других сословий, приостановить процесс дробления помещичьих имений и обеднения дворянства, правительство предприняло ряд мер. Манифест Николая I от 6 декабря 1831 г. «О порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным» в нарушение Жалованной грамоты дворянству установил высокий имущественный ценз для участия в дворянских выборах и собраниях. Новый закон позволил избираться на дворянские общественные должности лишь дворянам, у которых имелось не менее 100 душ крепостных или 3 тыс. десятин незаселенной земли. Над деятельностью дворянских собраний был введен контроль губернатора. Тем самым отстранялись от влияния на корпоративную жизнь дворянства мелкопоместные дворяне. Для сохранения крупного помещичьего землевладения законом 1845 г. были установлены майораты – заповедные дворянские имения, не подлежащие разделу или продаже. Отныне крупное имение, насчитывавшее 1000 душ крестьян, могло переходить по наследству только старшему сыну в семье и не дробилось между другими наследниками. Помещикам предоставлялись льготные государственные кредиты. К 1856 г. их общая задолженность казне составила

427 млн. руб. Несмотря на принятые меры, из 127 тыс. дворянских семей за 1833–1850 гг. 24 тыс. разорилось.

Вместе с тем усиливался процесс перехода дворянских земель в руки купцов, мещан, государственных крестьян, который затрагивал главные устои феодально-крепостнической системы – незыблемость монопольного права дворян владеть землей. К середине XIX в. дворянство численно выросло, но в нем обозначился процесс дифференциации – усиливалось крупное помещичье землевладение, а мелкопоместное дворянство разорялось. К 1858 г. было заложено 40% всех дворянских имений с 65% всех крестьян.

До середины XIX в. дворянство обладало налоговыми привилегиями и не платило прямых налогов. Попытки распространить налоги на дворян оказывались безрезультатными. В середине XIX в. на долю дворян приходилось менее 10% от общей суммы земских, местных и государственных сборов.

В качестве особого привилегированного сословия в России можно выделить *духовенство*. По мнению Б.Н. Миронова духовенство к концу XVIII в., почти одновременно с дворянством, превратилось во второе свободное сословие, поскольку стало обладать всеми признаками сословия. Вместе с наследованием профессиональной деятельности с конца XVIII в. развился обычай наследования церковных мест от отца к старшему сыну, что в итоге означало приобретение приходским духовенством такого важного признака сословия, как наследственность социального статуса и профессии.

В 1795 г. численность духовенства христианских исповеданий в России составляла в 1795 г. – 216, а в 1850 г. – 281 тыс. человек мужского пола. Духовенство разделялось на черное (монахи) и белое (приходское). Среди русского духовенства на долю монахов приходилось лишь 10% всего духовенства, но они занимали главенствующие позиции в русской православной церкви. В начале XIX в. в России было 447 православных монастырей (353 мужских и 94 женских). В них находилось 5 тыс. монахов и около 6 тыс. послушников – лица готовившиеся к пострижению в монахи. В середине XIX в. численность монастырей возросла до 614, а монашествующих до 8,5 тыс., послушников до 13,2 тыс. человек. В первой половине XIX в. монастырям возвратили право владения земельной собственностью. В 30-е гг. каждому монастырю жаловалось от 50 до 150 десятин земли, а пожертвованные земли оставались в их собственности. Среди монастырей были крупные земельные собственники, владевшие десятками тысяч десятин земли (Соловецкий, Киево-Печерский, Троице-Сергиев, Саровская пустынь и др.). Всего во владении церквей и монастырей Европейской России в 1857 г. было около 6,5 млн десятин. Монастыри сдавали часть земли в аренду, в первой половине XIX в. активно занимались ростовщичеством, имели мельницы, торговые лавки, пристани, занимались торгово-промышленной деятельностью, имели свои вклады в банках.

На долю приходского духовенства приходилось до 90% всего духовенства. Оно состояло из трех основных групп – священников, дьяконов

и причетников. Представители каждой группы имели различный духовный статус и соответственно ему – разные обязанности при исполнении церковных обрядов; священник выполнял главную роль, совершая обряды и таинства, дьякон помогал священнику, а причетники служили для создания пышности, торжественности службы. Священник и дьякон относились к священнослужителям разного ранга, а причетники – к церковнослужителям, не имевшим статуса священства. Священник являлся главой причта и обладал административной властью над остальными его членами. Для занятия должности существовал возрастной ценз: минимальный возраст составлял для священника 30 лет, дьякона – 25, причетника – 15 лет.

Помимо установленных возрастных параметров от соискателей церковной должности требовался определенный образовательный уровень. Система профессионального духовного образования России в начале XIX в. была представлена 2 академиями, 37 семинариями (по числу епархий) и 76 низшими училищами с 29 тыс. учащихся. В 1839 г. количество семинарий возросло до 44 (15830 учащихся), а низших духовных училищ до 159, в которых насчитывалось 46 тыс. учащихся.

Тем не менее по уровню образования духовенство превосходило дворянство, так как значительное число священнослужителей училось в семинариях и академиях, где получало среднее или высшее профессиональное образование. В 1835 г. специальное образование имели 43% священников. В середине XIX в. духовенство также превосходило дворянство по уровню образования: среди высшей бюрократии России (члены Государственного совета, сенаторы, губернаторы и т. п.) насчитывалось 61% людей с высшим и средним образованием, а среди священников – 83%. Однако уровень их доходов в первой половине XIX в. уступал даже младшим чиновникам и офицерам в 1.5–2 раза.

В течение XVIII в. духовенство приобрело особые права, которые были закреплены в законодательстве: освобождение от прямого налога, рекрутской повинности, все гражданские дела между духовными лицами и уголовные преступления за исключением самых тяжких рассматривались Синодом, верховная власть стала отмечать духовенство особыми наградами и отличиями (крест на цепи для ношения на шее, особый головной убор и т. д.). В 1801 г. священнослужители были избавлены от телесных наказаний.

В завершённом виде принципы сословного деления городского населения были определены манифестом 17 марта 1775 года. Данный законодательный акт дифференцировал горожан на основе имущественного ценза. Мещане, не располагавшие капиталом свыше 500 рублей, а также обанкротившиеся купцы приписывались к мещанству или ремесленникам. Богатые горожане, имевшие капитал более 500 рублей могли записаться в купечество. Жалованная грамота городам 1785 года определила юридическое положение *городского сословия (купцов, мещан и ремесленников)*, корпоративные формы существования (гильдии, цехи, городское общество), создала сословный суд и организационные формы самоуправления (магистраты и городские думы). В органах самоуправления были

представлены лица в возрасте старше 25 лет, имевшие собственный дом, капитал, ремесло. Принадлежность к городскому сословию закреплялась внесением в городскую обывательскую книгу.

Грамота закрепила за городскими обывателями исключительное право на занятие торговлей и промышленностью в черте города, усилила их корпоративные права, передала в собственность общин городские земли, а в собственность отдельных лиц – торгово-промышленные заведения, ввела сословные суды и освободила их от выполнения обременительных казенных повинностей. Каждый город получил свой герб. Грамота защищала имущество, честь и достоинство городских обывателей: только суд мог лишить их прав; суд же присуждал за оскорбление к штрафу, которому подвергалось также и дворянство. Они получили право приносить жалобы о своих нуждах на имя губернатора. Таким образом, к концу XVIII в. окончательно сформировалось городское сословие. В течение конца XVIII – первой половины XIX в. сословные права городских обывателей укреплялись и были вторично юридически подтверждены в Своде законов Российской империи 1832 г.

Купцы приписывались к одной из трех гильдий, принадлежность к которым определялась величиной «объявленного по совести капитала». Если по Манифесту 1775 года для записи в одну из трех гильдий устанавливался ценз для первой гильдии – 10 тыс. руб., для второй гильдии – 1 тыс. руб., для третьей – 500 руб., то уже в начале XIX в. размеры минимального капитала для второй и третьей гильдий были существенно увеличены (5–10 тыс. руб. и свыше 1 тыс. руб.). На протяжении всей первой половины XIX в. наблюдалось постоянное увеличение размеров минимального капитала, необходимого для получения гильдейского свидетельства. Остальные лица, не имевшие необходимого минимума капитала, были отнесены к мещанам или цеховым. По началу за принадлежность к гильдии купец ежегодно платил гильдейский сбор, равный 1% с объявленного капитала. Затем он непрерывно повышался и в 1821 г. составил уже 5,2%.

Ухудшение экономической конъюнктуры и невозможность выплаты гильдейского сбора вынуждала предпринимателей опускаться вниз по социальной лестнице и переходить в ряды мещан. В частности, на сокращение численности купеческого сословия серьезно повлияли события Отечественной войны 1812–1815 гг., принесшие разорение многим купцам. Например, основатель известной торгово-промышленной династии Рябушинских – Михаил Яковлевич в 1802 г. записался в третью гильдию московского купечества и начал самостоятельную торговую деятельность. Война 1812 года принесла ему большие убытки. Перебравшись с семьей в известный центр сапожного ремесла село Кимры Тверской губернии, М.Я. Рябушинский безуспешно пытался заняться скупкой обуви и, возвратившись в Москву, подал прошение, в котором заявлял: «...по претерпенному мною от нашествия в Москву неприятельских войск разорению ... покорнейше прошу по неимению мною купеческого капитала перечислить в здешнее мещанство». С 1814 по 1823 г. семья М.Я. Рябушинского состояла в

мещанском сословии и лишь в 1824 г. она вновь была приписана к купечеству.

В конце XVIII в. гильдейское купечество превратилось в привилегированный слой городского населения. Купцы всех трех гильдий освобождались от подушной подати, вместо которой они уплачивали промысловый налог. Купцы первой и второй гильдий не подвергались телесным наказаниям и были освобождены от рекрутской повинности. Купцы первых двух гильдий имели право на ведение оптовой и розничной торговли (купцы первой гильдии право торговли за границей), устройство заводов и фабрик, освобождались от казенных служб. Деятельность купцов третьей гильдии распространялась только на уезд и ограничивалась мелкой торговлей, содержанием небольших предприятий, трактиров, бань, постоянных дворов. Однако принадлежность к купечеству не являлась наследственной, и купеческие привилегии зависели от имущественного положения.

Купцы первой гильдии имели право приезжать к императорскому двору, носить губернский мундир, получать звание коммерц- и мануфактур-советников. Оба звания давали право их обладателям на общий титул «ваше высокоблагородие». Они приглашались правительством к совещаниям по делам торговли и промышленности. Купцам первой гильдии присваивалось право ездить в карете, запряженной парой лошадей, купцам второй гильдии – в коляске, запряженной парой лошадей, купцам третьей гильдии – в экипаже, запряженном одной лошадью. Мещане и ремесленники должны были ходить пешком или ездить на телегах.

Предпринимательская деятельность могла осуществляться в различных организационных формах: как в виде единоличного частного предприятия, так и в форме компании. Еще со времен Александра I (1807 г.) правительство рекомендовало российским купцам заниматься коммерцией в форме полных товариществ и товариществ на вере или как их еще называли торговых домов. Отличие между этими организационными формами предпринимательства заключалось в степени ответственности пайщиков по обязательствам компании. Ограничения, накладывавшиеся на отчуждение паев, способствовали семейной организации предпринимательства.

При Николае I в России было введено новое сословие «почетных граждан» (1832 г.). Император, имея намерение «новыми отличиями благопривязать городских обывателей к состоянию их, от процветания коего зависят и успехи торговли и промышленности», признал за купечеством целый ряд прав и преимуществ. Взамен указ ограничил проникновение буржуазии в ряды дворянского сословия. Купцы получали потомственное почетное гражданство в следующих случаях: одновременно с обретением званий мануфактур- и коммерции-советников; при награждении одним из государственных орденов; при условии, что они состояли в 1-й гильдии в течение 10 лет и во 2-ой в течение 20 лет. Причисление к почетным гражданам освобождало купечество от подушного оклада, от рекрутской повинности и от телесного наказания в случае совершения преступления. Как

отмечал Л.Е. Шепелев, права почетного гражданина соотносились с главными правами купечества, причем это звание давало их «пожизненно или даже наследственно без уплаты соответствующих сборов». Потомственное почетное гражданство имело большое преимущество перед званием купца – оно было наследственным и поэтому более привлекательным поскольку давало возможность обрести больше личных и имущественных прав.

Во второй четверти XIX в. городские обыватели потеряли монополию на торгово-промышленную деятельность в черте города. С 1820-х гг. любой человек мог заниматься этой деятельностью при условии приобретения промысловых свидетельств. В этих условиях основными источниками пополнения купеческого сословия стали представители городского посада (в Петербурге и Москве – также провинциальные купцы), а главным образом – дельцы из числа крестьян, основавшие самые известные российские торгово-промышленные династии. Если в первой половине 1830-х гг. среди держателей промысловых свидетельств на долю купечества приходилось 92%, крестьянства – 7%, дворянства – 0,5%, то в середине XIX в. – соответственно 86, 14 и 0,6%.

Несмотря на то, что появлявшиеся в среде купечества династии (Рябушинские, Бахрушины, Найденовы, Вишняковы, Солдатенковы, Солодовниковы, Крестовниковы, Третьяковы и др.) в экономическом отношении были весьма могущественными, они не всегда отличались устойчивостью. Как правило, продолжительность рода составляла 2–3 поколения. Упадок многих купеческих семей объяснялся экономическими причинами – разорившиеся торговцы записывались в мещане, а самые удачливые стремились перейти побыстрее в дворянство. Новые дворяне, как правило, оставляли занятия предпринимательской деятельностью, их дети поступали на военную или гражданскую службу. Купцы первой половины XIX в. через браки своих дочерей стремились породниться с представителями привилегированного сословия.

Необходимо также учитывать и то, что основу деятельности торгового купечества составляла оборотистость, умение чувствовать рыночную конъюнктуру, личные способности и связи. Часто эти компоненты делового успеха не передавались по наследству. Более устойчивыми среди купечества становились те фамилии, которые помещали капиталы в производственную сферу.

В течение первой половины XIX в. шел непрерывный рост купеческого сословия. В 1836 г. все купеческое сословие состояло из 125 тыс. душ мужского пола, а в 1851 г. – уже 180 тыс. душ. Таким образом, за 1830–1858 гг. гильдейское купечество увеличилось на 133%.

Ремесленное положение 1785 г. и Устав цехов 1799 г. обязали всех *ремесленников* записываться в цехи: коренные городские ремесленники как вечно-цеховые с правами мещанства, а пришлые из других мест и крестьяне как временно-цеховые без сословных прав мещанства. Подобная организация ремесленного труда была распространена на всю Россию, но

вводилась только в тех городах, где число ремесленников достигало сколько-нибудь значительной величины. Благодаря принятым мерам число цехов и записанных в них ремесленников постепенно возрастало и к 1858 г. охватило до 7% всех городских обывателей. Но цехи существовали не во всех городах (в середине XIX в. в 180). До эпохи Великих реформ цеховая система находилась на подъеме, после чего в связи с ростом крупной индустрии начала постепенно разрушаться.

Крестьянское население России делилось на три основных разряда: помещичьи, государственные и удельные. Наибольшая масса крепостных проживала в центральных губерниях, а меньше всего их было в Сибири, незначительным был удельный вес крепостных крестьян среди населения северных и южных степных губерний. В Архангельской губернии крепостных не было совсем.

Помещичьи крестьяне образовались из частновладельческих крестьян и холопов, превращенных в помещичьих крестьян в ходе переписи податного населения, или ревизии 1719 г. и делились на барщинных (в черноземных, средне- и нижнеповолжских губерниях они составляли до 70–75% крестьян) и оброчных (больше всего в центральных губерниях – до 70%, меньше всего – в Литве, Белоруссии и на Украине – 1–7%).

Государственные крестьяне принадлежали казне и официально считались свободными сельскими обывателями. Свод законов признавал их «свободным сельским сословием». Они обладали гражданскими правами, а их дети могли поступать в высшие учебные заведения. Однако они находились в системе «государственного феодализма», где в роли феодала выступало само государство, которое могло ими распоряжаться по собственному усмотрению. Оно предоставляло им в пользование земельные наделы и взимало оброк, а также подушную подать. При Екатерине II в 1785 г. был подготовлен для государственных крестьян проект Жалованной грамоты, в которой утверждались их сословные права – личная свобода, право собственности, крестьянский суд, самоуправление. Однако по политическим соображениям – из-за нежелания будоражить дворянство и возмущать обойденных в грамоте помещичьих крестьян – проект не был реализован, хотя он использовался на практике в государственной деревне. В самом начале XIX в. государственных крестьян мужского пола насчитывалось немногим более 6 млн. человек. Большинство их проживало в центральных и северных губерниях России, на Левобережной Украине, в Поволжье и Приуралье.

Промежуточное положение между государственными и помещичьими крестьянами занимали удельные крестьяне, находившиеся в собственности императорской фамилии. Удельные крестьяне в России как специальный разряд крестьян появились в 1797 г. Ранее они назывались дворцовыми и принадлежали царскому дворцу. Это была тоже феодально зависимая категория крестьян, обязанная кроме отбывания государственных повинностей, платить за предоставленные им в пользование наделы оброк на содержание императорской фамилии. В начале XIX в. их насчитывалось

около 0,5 млн душ мужского пола, проживавших в 27 губерниях. В 1858 г. количество удельных крестьян возросло до 2 млн. чел. обоего пола.

В XVIII в. крепостное население, хотя и медленно, главным образом за счет закрепощения новых категорий крестьянства росло и преобладало в деревне. Его рост отставал от общего прироста населения, но за полвека, с 1745 до 1795 г., составил около 62%. Но в XIX в. число помещичьих крестьян прекращает свой рост и даже идет на убыль. За исключением непроизводительной прослойки дворовых число помещичьих крестьян обоего пола составляло в 1833 г. 21,2 млн. чел. (VIII ревизия), в 1850 г. – 20,6 млн. (IX ревизия). Это объясняется не столько сокращением естественного прироста крепостного населения России, сколько переводом крепостных в другие сословия.

В российской деревне всегда существовало имущественное неравенство, которое приводило к социальному расслоению крестьянства: выделению разбогатевшей верхушки и появлению группы беднейших крестьян. Наиболее интенсивно этот процесс протекал среди государственных и оброчных крестьян, особенно в центральных губерниях. За период с 1801 по 1860 гг. из 39178 дворов с населением в 286863 чел. 23% можно отнести к зажиточным, 53% – к средним хозяйствам, 24% насчитывали бедные хозяйства. Таким образом, до середины XIX в., социальный состав крестьянства был относительно стабильным с преобладанием средней группы крестьян. Имущественная дифференциация между различными слоями крестьянства в массе была незначительна, хотя имелись отдельные случаи, когда помещичьи крестьяне, не имея юридических прав, становились очень богатыми людьми, владели записанными на имя помещика крепостными, землей, фабриками, огромным капиталом. Богатые крепостные крестьяне шли на значительные жертвы, чтобы выкупиться на волю. К 1818 г. 10% оброчных крестьян Костромской губернии выкупились из крепостной зависимости.

3. Новые социальные группы российского общества: генезис и особенности формирования. Под влиянием продолжавшейся модернизации в России и развития рыночных отношений происходило «размывание» традиционных сословий и появление социальных групп, характерных для буржуазного общества. Промышленный переворот, интенсифицировал процесс формирования буржуазии и наемных рабочих. Развитие системы образования, а также общественно-политического движения в стране способствовало формированию интеллигенции.

Формирование *буржуазии* в России началось в XVIII–XIX вв., а завершилось на этапе промышленного переворота (30–80-е гг. XIX в.), когда машинная техника превратила предпринимательство в источник наиболее быстрого и гарантированного получения прибылей. Этот процесс имел ряд особенностей. Во-первых, еще на ее ранней стадии предпринимательский слой был разделен на неравные по своим правам сословные группы, вследствие чего податные сословия так и не смогли стать основой для

формирования в России «среднего класса». Во-вторых, в условиях консервации сословного слоя устойчивость патриархальных и корпоративных традиций препятствовала росту самосознания складывающейся буржуазии. В-третьих, являясь порождением определенных социальных реалий, буржуазия извлекала выгоду в значительной степени из политического бесправия непосредственных товаропроизводителей, используя докапиталистические формы организации труда и производства. В-четвертых, формируясь в условиях феодально-абсолютистского режима, молодая русская буржуазия была от него зависима и политически индифферентна.

В первой половине XIX в. определилась социальная база формирования предпринимательского класса – *купечество*, отчасти дворянство, разбогатевшее крестьянство и мещанство. Характерной чертой этого этапа становления буржуазии было соединение торгового капитала с промышленным. Наиболее активным элементом пополнения буржуазии были крестьяне, основавшие самые известные российские торгово-промышленные династии нового времени. Как убедительно доказал дореволюционный экономист М.И. Туган-Барановский, ядро крупной промышленной буржуазии сложилось именно из представителей крестьянства, и основном, в период первой трети XIX века, который он называл «золотым веком в истории фабрикантского класса».

В русской художественной литературе и мемуаристике существует немало описаний основателей купеческих фамилий. Отсюда следует, что они напоминали крестьян и внешне: одеждой, бытовым укладом, речью. Для их более просвещенных детей крестьянское происхождение предков стало сильным фактором самоидентификации, влиявшим на формирование специфической коллективной психологии. В.А. Кокорев один из самых богатых предпринимателей России XIX века, в речи на одном из банкетов 1857 г. обратился к московскому купечеству с идеей об особой ответственности своего сословия в деле отмены крепостного права «Ведь нам будет стыдно смотреть на крестьян..., – заявлял он, – потому что многие из нас сами недавно вышли из крестьян и я, говорящий эти слова, имею родных в крестьянском сословии».

Василий Александрович Кокорев приходился сыном солигаличского купца старообрядца торговавшего солью. Василий нигде не учился, кроме как у старообрядческих начетчиков. Он рано начал заниматься торговой деятельностью и приобрел необходимый жизненный опыт. Отсутствие теоретических знаний В.А. Кокорев успешно восполнял чтением и вошел в число людей глубокой культуры. Он был хорошим оратором, красочно и остроумно выражал свои мысли. Будущий предприниматель обладал литературным талантом и оставил ряд трудов. Материального благополучия Кокорев достиг тогда, когда стал заниматься откупам. Питейный доход в то время составлял примерно 45% государственного бюджета. Кокорев стал сам действовать как откупщик-комиссионер, дела у него пошли весьма успешно, и он быстро создал огромное состояние и занял одно из первых мест среди

откупщиков. С.И. Мамонтов в своих воспоминаниях называл его «откупщицким царем». Став богатым человеком, Кокорев дал полный простор своей энергии и творческой инициативе. Он был одним из пионеров русской нефтяной промышленности, создав еще в 1857 году в Сураханах завод по производству осветительного масла и Закавказское торговое товарищество, а впоследствии – Бакинское нефтяное общество. Он организовал Волжско-Камский банк, сразу занявший видное место в русском финансовом мире. Предприниматель основал Северное страховое общество, построил в Москве знаменитое Кокоревское подворье, где имелась гостиница, торговые склады. Василий Александрович участвовал в создании русского Общества пароходства и торговли.

Помимо своей деятельности на ниве народного хозяйства, Кокорев немало работал и в области общественной. Высшей точкой его общественной карьеры был год после Крымской войны. По совету Кокорева, во время Крымской войны откупа были сданы на новое четырехлетие без торгов, и это время его наибольшего значения. По окончании войны он обратил на себя внимание торжественной встречей, организованной черноморским морякам, приехавшим в Москву. Представители московского купечества в ноги кланялись защитникам Севастополя, а откуп разрешил героям три дня пить бесплатно и беспошлинно.

О еще одной такой династии говорится в романе дореволюционного писателя – П.И. Мельникова-Печерского «В лесах», в котором один из героев так описывал историю текстильных фабрикантов Коноваловых: «Да вот к примеру Вичугу взять. До французского года* ни одного ткача в той стороне не бывало, а теперь по трем уездам только и дела, что скатерти да салфетки ткать. А как дело зачалось? Выискался смышленный человек с хорошим достатком, нашего согласия был, по древнему благочестию, Коноваловым прозывался, завел небольшое ткацкое заведение, с легкой его руки дело и пошло, да пошло. И разбогател народ, и живет теперь лучше здешнего... Побольше бы Коноваловых у нас было – хорошо народу бы жилось».

Основателем коноваловского дела, являлся Петр Кузьмич Коновалов (1781–1846), крестьянин-старообрядец и крепостной, выбившийся в число виднейших фабрикантов. Одним из первых начал он развивать в костромском крае хлопчатобумажное производство, сперва раздавая окрестным крестьянам пряжу для ткачества, а затем основал собственное заведение в родном селе Бонячки Кинешемского уезда. Благодаря природной энергии ему удалось добиться успеха, выпавшего на долю немногих. Возвышению костромича способствовали и события Отечественной войны 1812 г., в результате которой разорились многие конкуренты в Москве. До 45-летнего возраста предприниматель числился крепостным помещика А.П. Хрущева и лишь в 1827 г. за 2400 рублей выкупился с семейством на волю. При сыне его Александре Петровиче (1812–1889) заведение Коноваловых

*Российско-французская война 1812 г.

превращается в крупнейшую в крае механическую фабрику с паровым двигателем.

Разбогатеv на торговых и ростовщических операциях, мелкие предприниматели начинали вкладывать средства в промышленное производство, не оставляя торговых операций (Алексеевы, Боткины, Гарелины, Коншины, Коноваловы, Мальцевы, Морозовы, Прохоровы, Рябушинские и др.). В это же время старокупеческие династии переходили от преимущественно торговой деятельности к производственным занятиям.

Подавляющее большинство представителей «делового мира» вполне соответствовало знакомым персонажам из «темного царства» А.Н. Островского. Среди них преобладали дельцы-практики с железной хваткой, хитрой сметкой, не имевшие никакого образования. Некоторые из них, особенно выходцы из крестьян, были неграмотны.

Вместе с тем в этой среде стали появляться незаурядные образованные личности (В.А. Кокорев, Ф.В. Чижов), выгодно отличавшиеся своим кругозором, системой ценностей. Известный издатель и литературный деятель Н.А. Полевой одним из первых выступил в защиту достоинства купеческого сословия, его общественных, культурных устремлений. Еще в 1829 г. он писал в «Московском телеграфе»: «Я купец, и горжусь, что принадлежу к сему почтенному сословию, которое, уступая, быть может, другим в образовании, никому не уступит в желании добра Отечеству, в деятельной ревности просвещению».

Дворянство начинало приобретать опыт предпринимательства у себя в имениях, вкладывая средства в обрабатывающую промышленность. Основными сословными привилегиями пользовалось дворянство, которое в силу этих самых привилегий так и не заняло ведущих позиций в российском предпринимательстве. Если на Западе многие предпринимательские династии родовыми корнями уходят в дворянское сословие, то в России это в основном выходцы из крестьян и ремесленников.

Рабочих, полностью оторванных от земледельческого хозяйства, продающих свой свободный наемный труд в начале XIX в., было немного. Подавляющее большинство рабочих, занятых в российской промышленности, как и в XVIII в. принадлежало к сословию крестьян.

Тем не менее, термин «работные люди», который ранее объединял в себе и приписных крестьян, и посессионных рабочих, и крестьян-отходников, и редких вольнонаемных, отошел в прошлое. В начале XIX в. закрепились такие наименования, как «мастеровые», «рабочие», «чернорабочие». Фактически это указывало на все более размывающиеся рамки сословного деления общества, однако, формально оно продолжало главенствовать, и большинство наемных рабочих было приписано к крестьянам.

Примерная численность наемных рабочих в начале XIX в. составляла 175 тыс. человек (66% были заняты в горнозаводской промышленности, 44% – в обрабатывающей). Источниками их пополнения являлись оброчные крестьяне-отходники как помещичьи, так и государственные, мещане, выпускники сиротских домов и ссыльные.

Наемные рабочие из крестьян-отходников по-прежнему оставались в орбите крепостной зависимости: в любое время помещик мог вернуть их в деревню и перевести на барщину. Не мог свободно распоряжаться собой и государственный крестьянин, прикрепленный к своему наделу и связанный с общиной. Заработанная плата таких рабочих становилась основным источником уплаты феодальной ренты.

Положение рабочих долгое время не регулировалось никакими законами, пока в 1835 г. не вышло «Положение о найме», предполагавшее заключение письменных договоров об условиях найма. Документ не улучшил ситуацию, потому что органов, контролирующих исполнение «Положения», не было. Длительность рабочего дня составляла 12–14 часов, о ее регламентации в положении не было и речи, а вопросы социального страхования и медицинского обслуживания не поднимались даже передовой общественностью. Первая больница для рабочих, вмещавшая в себя всего 6 коек, была открыта в 1840 г. на фабрике Прохоровых в Москве. Рабочий год для рабочих в среднем составлял 275 дней (при современном 250). Рабочие жили в основном в общежитиях казарменного типа при фабрике. Сфера интересов рабочего, помимо фабричного труда, во многом определялась его крестьянским происхождением: это и традиционный трактир, гулянья, церковные праздники.

К 1860 г. общая численность вольнонаемных рабочих достигла 573 тыс., что составило 52% от общего числа занятых в промышленности (48% рабочей силы приходилось на принудительный труд).

Интеллигенцию обычно отождествляют со сферой умственного труда, требующего для своего исполнения высшего или среднего специального образования. Этот, так называемый, социологический подход, не дает полного представления об особенностях интеллигенции в России в XIX в.

Термин «интеллигенция», как социальный слой, но не понятие появился в России. Этот феномен характерен для всех европеизированных (вестернезированных) стран. Таким термином в XIX в. постепенно стали обозначать людей, получивших западное образование и оказавшихся без почвы в своей стране далекой от западных условий жизни.

Слой образованных людей в России начал складываться еще при Петре I, однако, зарождение интеллигенции было связано не только с его реформами, но и с Манифестом о вольности дворянской Петра III. Именно последний дал дворянам чувство личной безопасности и свободное время для занятий умственным трудом. Впоследствии Екатерина II поддержала указ Петра III об отмене обязательной службы для дворянства, приобщая своих подданных к интеллектуальной деятельности. С конца XVIII в. в России возникло два потока формирования нового социального слоя. Один из потоков складывался из представителей «первого сословия», пожелавших заниматься философией, литературой, наукой, искусством. Другой – из разночинцев, которые образовывали необходимый стране рынок интеллигентских профессий.

Термин «разночинцы» стал употребляться в законодательстве еще в XVIII в. Первоначально к разночинцам относили отставных солдат и их детей, мелких канцелярских служащих, нижние придворные чины. С 1760-х гг. разночинцы были освобождены от подушной подати, т.е. отнесены к числу полупривилегированных сословных групп. Вместе с тем, им запрещалось приобретать «населенные имения», заниматься торговлей и предпринимательской деятельностью. Делалось это для того, чтобы создать из разночинцев социальный резервуар для растущего чиновничьего аппарата и лишить их возможности составить экономическую конкуренцию дворянству. В первой половине XIX в. состав разночинцев подвергся большим изменениям. Он стал пополняться за счет лиц интеллигентских профессий, получивших «почетное гражданство», а также детей священников, купцов, дворян, порвавших со своим сословием. Интеллигенция, таким образом, оказывалась своеобразным «осадком» общественных структур, межклассовым и межсословным образованием, что способствовало формированию у нее особых черт.

Слово «интеллигенция» стало появляться в русском лексиконе в 1850–60-е гг. Тогда этот термин сначала относился к высшим образованным слоям общества и, прежде всего, к образованному чиновничеству.

Лекция 2. Сельское хозяйство России в первой половине XIX в.

1. Общее состояние, агротехнический и агрокультурный уровень сельского хозяйства.
2. Региональные особенности и специализация сельского хозяйства.
3. Помещичье и крестьянское хозяйство.
4. Проблема «Кризиса крепостничества».

1. Общее состояние, агротехнический и агрокультурный уровень сельского хозяйства. Важнейшей особенностью социально-экономического развития России в первой половине XIX в. являлся процесс разложения феодально-крепостнической системы. В 30–50-е годы XIX в. противоречия между старыми феодальными производственными отношениями и развивающимися производственными силами общества достигают степени конфликта, т.е. перерастают в кризис феодального способа производства. Однако, несмотря на кризисные явления, крепостническое хозяйство России демонстрировало удивительные адаптационные качества, приспособляясь к условиям быстро развивающегося рынка.

В недрах крепостнической системы в этот период развивались новые капиталистические отношения. Тем не менее, кризис феодально-крепостнической системы нельзя идентифицировать как состояние полного упадка. Наряду с кризисными явлениями (регрессивными процессами, происходившими в помещичьей деревне, базировавшейся на крепостном

труде) наблюдалось и заметное развитие производственных сил. Правда, происходило оно прежде всего на базе мелкотоварного и капиталистического производства.

В первой половине XIX в. земледелие в России носило в основном экстенсивный характер, т. е. развитие его происходило не столько за счет улучшения обработки почв и внедрения новых агротехнических методов, сколько за счет расширения площади посевов.

Основными орудиями обработки почвы служили соха, косуля (усовершенствованная соха), режа плуг, деревянная борона. Орудиями уборки и обработки урожая – коса, серп, цеп. Крестьяне побогаче заводили железные бороны. Плуг стал входить в употребление в первой четверти XIX в., однако и в середине XIX в. его использование имело весьма ограниченное распространение, только в немногих помещичьих имениях производилась плужная обработка.

В 40–50-е гг. XIX в. в крестьянском и помещичьем хозяйстве стали применяться веялки, молотилки и соломорезки. Часто их изобретателями являлись сами крестьяне (льнотрепальная машина крестьянина Х. Алексеева, сенокосная машина А. Хитрина).

В центрально-промышленных губерниях преобладали суглинистые и супесчаные почвы, требовавшие значительного количества удобрений. Согласно проведенным расчетам в северной половине Центральной России на 1 дес. требовалось в среднем не менее 2400 пудов навоза. Фактически крестьяне вывозили его вдвое меньше. Вследствие этого крестьянские поля все более истощались. Крестьяне вносили удобрения, как правило, под озимые, лучше всего удобрялись усадебные и лежащие вблизи селений земли.

Растущая распашка земли приводила к другому нежелательному последствию – сдерживанию в развитии животноводства, что помимо прочего резко сокращало возможность повышения урожая за счет внесения в почву органических удобрений (навоза крупного рогатого скота). Длительный срок стойлового содержания скота (от 180 до 212 суток) требовал значительного объема полноценного корма, а его не доставало. «Однотягловое» крестьянское хозяйство в среднем могло заготовить примерно 300 пудов сена, что не позволяло нормально содержать скот. Рабочий скот на соломенном корме слабел. Поэтому падала его продуктивность, и сокращались возможности получения требуемого количества удобрения.

Еще более сильное отрицательное влияние на развитие главной отрасли русского народного хозяйства – аграрной сферы – оказывали неустойчивая погода и особенно периодически происходящие засухи. По имеющимся оценкам, урожай многих сельскохозяйственных культур, на 50–70% зависит от непредсказуемых условий погоды. Господствующей системой земледелия было традиционное трехполье: яровые, озимые, пар. При трехполье урожайность поддерживали не только пар и удобрения, но и чередование культур. Трехполье оказалось наиболее устойчивой системой земледелия. В первой половине XIX в. трехполье переживало кризис,

показателем которого являлось падение урожайности. Кризис трехполья обуславливался не агротехническими, а социально-экономическими причинами: в первую очередь, ростом феодально-крепостнического гнета, который особенно губительно сказывался на состоянии сельского хозяйства. Отдельные опыты внедрения более интенсивной, чем паровое трехполье, многопольно-плодосменной системы земледелия не располагали окружающих помещиков к подражанию. Для этого требовались и дополнительные вложения капитала в орудия труда, и более производительный наемный труд. В 1814 г. специалисты из Вольного экономического общества доказывали крепостникам, что «вред», причиняемый даровым крепостным трудом в земледелии, «превосходит издержки, нужные на наем вольных работников», что вольный работник обрабатывает 9 десятин там, где «крепостной при самой усиленной барщине» обрабатывает 5, а нормально – от 3 до 4, что при обработке барского имения вольными людьми «доход с оногo, по крайней мере, удвоился бы».

В некоторых уездах центральной России сохранялась подсеčno-огневая система земледелия, которая была возможна при обилии лесных угодий и недостатке пахотных земель. Подсека была и эффективным средством удобрения, так как она поддерживала баланс плодородия почвы. Трудоемкость работ окупалась высокой урожайностью: в первые годы подсечный участок давал урожай сам-десять – сам-двадцать, т. е. в 3–7 раз больше, чем на «обычных» землях. Срок использования таких участков под пашню составлял от 3 до 6 лет без внесения удобрений. Затем они шли под сенокос, а позже запускались под лес.

За 1804–1860 гг. посевы хлебов в промышленных губерниях увеличились на 22% (с 8,7 до 10,6 млн. четв.). Урожайность хлебов была очень низкой, оставаясь в течение всей первой половины XIX в. практически на одном и том же уровне. Средние урожаи составляли «сам-три». С десятины собиралось 3–3,5 четв. (около 24–30 пудов). В наиболее благоприятные годы урожаи доходили до «сам-четыре» и иногда до «сам-пять», а в неурожайные едва удавалось собрать семена. На семена приходилось оставлять примерно 40% собранного зерна, так что чистые сборы хлебов с десятины составляли в среднем около 2 четв. Среди сельскохозяйственных культур преобладали «серые» хлеба: рожь, овес, ячмень, составлявшие 75–85% посевного клина.

2. Региональные особенности и специализация сельского хозяйства.

Развитие производительных сил в сельском хозяйстве выражалось в увеличении и хозяйственном освоении новых земельных пространств (Украина, Дон, Заволжье). Расширялись посевы новых сельскохозяйственных культур: сахарной свеклы, картофеля, кунжута, увеличиваются посевы кукурузы, пшеницы. В Заволжье и в степных районах России все больше внимания уделялось выращиванию пшеницы, в Крыму и Закавказье – виноградарству и шелководству, около крупных городов – торговому огородничеству, птицеводству. В Новороссии, Бессарабии, на Северном

Кавказе развивалось тонкорунное овцеводство, которым занимались крупные помещики при большой поддержке правительства, заинтересованного в поставке сырья для заводов по изготовлению армейского сукна.

Свидетельством зарождения новых капиталистических отношений в аграрной сфере страны являлась порайонная специализация сельскохозяйственного производства. Для Центрально-промышленного района было характерным торговое направление производства технических культур и огородничества, получившее широкое развитие.

Нечерноземная полоса, в которую входил промышленный район России, была традиционно известна как льноводческий район. Лен на протяжении многих столетий являлся технической культурой в России. Льноволокно, пряжа и полотно с давних пор составляли важную статью русского экспорта. Из числа промышленных губерний льноводство наиболее было развито во Владимирской, Ярославской и Костромской. За первую половину XIX в. во Владимирской губернии производство льна увеличилось примерно в 5 раз, в Ярославской в 4,5 раза и в Костромской в 3 раза. Основной целью производства льна в указанных губерниях являлось получение волокна на продажу.

Сравнительно меньшее значение в центрально-промышленных губерниях имело коноплеводство, которое было развито главным образом в Калужской и Нижегородской губерниях. Коноплеводством занимались и помещики, отводившие под коноплю лучшие пойменные земли. Конопля более, чем иная культура, требовала лучших почв, хорошего удобрения и больших трудовых затрат на ее обработку. Поэтому там, где существовали конопляники, остальные сельскохозяйственные культуры находились «в небрежении».

Однако животноводство в целом по стране имело преимущественно натуральный характер, то есть скот выращивался для домашнего потребления, а не на продажу.

Рост городов и торгово-промышленного населения в центрально-промышленных губерниях обусловил появление торгового огородничества, наиболее товарной отрасли земледелия. В окрестностях Москвы огородничество приобрело ярко выраженное торговое направление уже в XVIII в. Москва являлась выгодным рынком сбыта продукции сельского хозяйства. Широко было развито торговое огородничество и в Ярославской губернии (Ростовский уезд). Основными торговыми культурами были зеленый горошек и цикорий. Ростовский уезд снабжал зеленым горошком не только всю Россию, но и северную Германию, Голландию и Англию.

Предпринимательское огородничество способствовало техническому прогрессу в земледелии и созданию кадров квалифицированных огородников. Некоторые из них внесли значительный вклад в развитие отечественного огородничества на научных основах.

Наибольшую известность получил ученый-самородок Ефим Грачев, крепостной Голицыных, впоследствии член-корреспондент Вольного экономического общества, член Парижской Академии сельского хозяйства.

Этот преуспевший крестьянин был участником выставок в Кельне, Париже, Вене, Брюсселе и Филадельфии, на которых он получил 11 золотых, 41 серебряную и 10 бронзовых медалей. Экспериментировать и выводить новые сорта огородных растений он начал с 1848 г., получив в наследство от своего отца огород в Петербурге, который имел широкую известность. Впоследствии его огород превратился в крупную экспериментальную станцию, с которой «конкурировал лишь Ботанический сад».

Широкое развитие торгового огородничества оказало влияние и на возникновение картофелеводства. Широкое распространение посевы картофеля получили в Ярославской, Владимирской, Московской и др. губерниях. Большая часть продукции поступала на крахмало-паточные предприятия, где она перерабатывалась в картофельную муку и патоку для нужд хлопчатобумажной и пищевой промышленности. Отходы производства (жмыхи) шли на откорм скота.

В ряде уездов Московской губернии и в прилегающих к ним селениях Владимирской и Рязанской губерний возник обширный район торгового хмелеводства, охватывавший 142 селения. Культура хмеля здесь была известна еще с начала XVII в., но особенного расцвета хмелеводство достигло к 40-м годам XIX в.

3. Помещичье и крестьянское хозяйство. Для феодализма в целом характерна феодальная собственность на землю (помещика или феодального государства) при наличии мелкого крестьянского хозяйства, имевшего свой земельный надел и другие средства производства и включенного в экономическую структуру хозяйства феодала. При этом хозяйство носило натуральный характер, а принуждение было внеэкономическим (личная зависимость крестьянина от помещика), свойственным для этого способа производства был и низкий рутинный уровень применяемой техники.

Некоторые помещики стремились повысить доходность своих имений, применяя новые методы ведения сельского хозяйства: вводили многопольный севооборот, приглашали из-за границы специалистов-фермеров, выписывали дорогостоящие сельскохозяйственные машины, удобрения, новые сорта семян, улучшенные породы скота и пр. Но это было по плечу только богатым помещикам. Эти «рационализаторские» опыты в условиях крепостной России на основе подневольного труда терпели неудачу и разоряли помещиков-«новаторов». Даже прославившееся своими достижениями калужское имение помещика Полторацкого Авчурино, куда другие помещики ездили знакомиться с новыми методами ведения хозяйства, не окупало себя и могло существовать как опытное только потому, что у его владельца были другие имения, работавшие на Авчурино. Но и это «показательное» хозяйство, по словам одного из современников, «исчезло как блестящий феномен в сельскохозяйственном мире, оставив по себе грустные развалины напрасно затраченных трудов и капитала».

Рост товарно-денежных отношений, вызывавший заинтересованность помещиков в повышении доходности своих хозяйств, при сохранении

барщинной формы эксплуатации неминуемо вел к расширению собственной запашки помещика. Происходить это могло либо за счет распашки других угодий (лесных массивов, покосов и т.п.), либо за счет сокращения земельных наделов крестьян. В первом случае это зачастую приводило к нарушению сложившегося баланса в структуре угодий, сокращению поголовья скота (и, как следствие, снижению количества удобрения, выносимого на поля). Во втором – подрывалась экономика крестьянского хозяйства. В России в первой половине XIX в. наблюдались случаи, когда помещики (в основном мелкопоместные) вообще отбирали землю у своих крестьян. В процентном отношении количество барщинных хозяйств не только не сокращалось, но даже несколько выросло.

Разновидностью барщины являлась «месячина», получившая свое название от платы натурой в виде месячного продовольственного пайка и одежды, которые выдавались крепостным крестьянам, лишенным земельных наделов и обязанным все рабочее время находиться на барщине. Месячина явилась одним из средств интенсификации барщины. Имение, в котором крестьяне были посажены на месячину, фактически превращалось в плантаторское хозяйство, а крестьянин низводился до положения раба. Месячина практиковалась преимущественно в мелкопоместных и малоземельных имениях земледельческих губерний.

Крестьяне не были заинтересованы в результатах своего труда, что вызывало падение его производительности. Для повышения доходности своих имений помещики совершенствовали методы организации крепостного труда, что приводило к распространению в барщинных имениях урочной системы. «Уроками» назывался определенный объем работ, который крестьяне были обязаны выполнить в течение определенного времени.

В оброчных хозяйствах усиление эксплуатации приводило к увеличению размеров оброка, который к тому же все чаще помещики вносили в денежной форме. Однако средства, получаемые российским дворянством от эксплуатации своих крестьян, редко вкладывались в хозяйство, бездумно растрачивались и выбрасывались на ветер. К 1859 г. 66% крепостных крестьян в России были заложены и перезаложены в кредитных учреждениях (по некоторым губерниям эта цифра доходила до 90%).

В разных регионах страны соотношение барщины и оброка было различным, поскольку оно зависело от экономической характеристики губернии. Так, в центральном районе, где был высок уровень промысловых занятий крестьян, большое распространение получила оброчная система – от 65 до 90%. В Прибалтике, Белоруссии, Украине, где более выгодным для помещиков считалось увеличивать барскую запашку, крестьяне преимущественно находились на барщине – до 90–95% крестьян.

Капиталистические элементы в сельском хозяйстве развивались весьма медленно. Это было обусловлено, прежде всего, тем, что огромные массивы земли, принадлежавшие помещикам и казне, фактически были исключены из товарного оборота. Земельный фонд, на котором могли развиваться

капиталистические хозяйства, оказался весьма ограниченным (земля арендовалась или занимались земельные участки в колонизируемых регионах). Однако, несмотря на кризисные явления, сельское хозяйство России развивалось и в этот период. Особенно заметно поступательное движение в конце XVIII и в первой трети XIX в. Современные историки объясняют это тем обстоятельством, что феодальная система хозяйствования еще полностью не исчерпала своих возможностей.

4. Проблема “Кризиса крепостничества”. Неудачи попыток освобождения крестьян в России в первой половине XIX в. требуют более внимательно рассмотреть вопрос о крепостном хозяйстве. Прежде всего, обращает на себя внимание сложность исходной ситуации: как оценивать саму хозяйственную систему крепостничества? Ее современная трактовка как социального зла (личная зависимость, бесправие личности) не вызывает сомнения. Значительно сложнее обстоит дело с определением экономической результативности крепостного хозяйства в России. Именно по этому поводу и возникли самые большие расхождения. Одни исследователи доказывали, что экономически крепостное хозяйство себя исчерпало уже в начале XIX в., другие обосновывали противоположный вывод.

Примечательно, что еще в 1767 г. в царствование Екатерины II Вольное экономическое общество присудило золотую медаль на объявленном конкурсе автору сочинения «Об уничтожении крепостного состояния крестьян в России» А.Я. Поленову, в котором резко критиковалось крепостное право и обосновывались преимущества свободного труда крестьян. Однако следующий конкурс в 1809 г., проведенный этим же обществом, присудил три награды работам, в которых доказывалась экономическая выгода принудительной барщины. Соответственно в одном случае доказывались экономическая выгода и целесообразность проведения аграрной реформы, в другом – они опровергались.

Позицию о сохранявшейся к середине XIX в. экономической эффективности рыночно-крепостного хозяйства в России попытался аргументировать П.Б. Струве. Во-первых, крепостное хозяйство к началу XIX в. окончательно превратилось из натурального в рыночно-крепостное, эффективность которого была связана с преимуществами крупно организованного хозяйства, дававшими ему возможность значительно более широко применять технические средства и другие усовершенствования. При этом более низкие затраты на труд крепостных крестьян в сравнении с вольнонаемными работниками объясняли причины перевода крестьян с оброка на принудительную барщину или на использование смешанной системы. Особенно значима была роль этого фактора в условиях действия тенденции к понижению цен на зерно на российском и мировом рынках. Поэтому для помещиков крепостной труд, более того, барщина экономически оказывались выгодны и предпочтительны.

В первой половине XIX в. всюду, где земледелие являлось главным занятием, помещики предпочитали барщину оброку: в 1850-е гг. на барщине

находились 96% крестьян 9 западных губерний, 81% крестьян 21 черноземной и восточной губернии и только 43% крестьян 15 нечерноземных губерний. Поэтому именно ввиду доходности имений ни один представитель либерального или революционного мира, за исключением Н.П. Огарева, не отпустил своих крепостных на волю в 1840–1860-е гг., включая Самариных, Аксаковых, Киреевских, Кошелевых, И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, К.Д. Кавелина, Л.Н. Толстого, а две трети дворянства были против отмены крепостного права.

Отсюда вполне закономерны неудачи с попытками проведения освобождения крестьян в первой половине XIX в. Так же понятно и то, почему столь инертной была реакция помещиков на право освобождать крестьян целыми общинами с землей за выкуп, предоставленное им согласно указу о свободных хлебопашцах (1803), или освобождать крестьян без земли в соответствии с указом об обязанных крестьянах (1842). Недооценку роли экономического фактора либеральные реформаторы пытались компенсировать мерами воспитательного порядка. На это обращал внимание В.О. Ключевский, который писал: «Как сотрудники Александра I, так и люди 14 декабря односторонне увлеченные идеей личной и общественной свободы, совсем не понимали экономических отношений, которые служат почвой для политического порядка».

Во-вторых, крепостное хозяйство в виде барщины оказалось экономически более выгодным в сравнении с оброком и вольнонаемным трудом из-за того, что в практике хозяйствования оно смогло опереться на традиции общинности, преобладавшие в крестьянской среде. Сама организация барщинного труда с использованием рабочего скота и инвентаря крестьян предполагала хозяйственную кооперацию. Она позволяла также всем крестьянам сообща выполнять повинности. За счет этого обеспечивалась выживаемость крестьянских общин в условиях экстремального развития (на каждое десятилетие в российском сельском хозяйстве приходилось несколько лет неурожаев).

В первой половине XIX в. рост цен на крепостных людей и на населенные помещичьи имения обгонял рост хлебных и еще более – промышленных цен. Это косвенно указывает на рост доходности крепостного труда или, по крайней мере, на то, что крепостное хозяйство давало прибыль.

Приведенные выше аргументы, дают основание для заключения о том, что к середине XIX в. рыночно-крепостное хозяйство находилось если не в высшей точки своего развития, то, во всяком случае, не в состоянии кризиса. И всё же выгода бесплатного труда крепостных крестьян для помещиков еще не равнозначна его более высокой эффективности для общества в сопоставлении с вольным трудом. К тому же крепостное хозяйство препятствовало интенсификации индустриального развития, усугубляя разрыв с ушедшими вперед европейскими странами. Следовательно, историческая исчерпанность рыночно-крепостного хозяйства в России при сохраняющемся у него внутреннем экономическом потенциале развития

объяснялась двумя коренными причинами: 1) социальными противоречиями, особенно обострившимися в связи с развитием рыночности помещичьего хозяйства (рост эксплуатации крестьян и их обезземеливания); 2) сдерживанием промышленного прогресса.

Лекция 3. Промышленность России в первой половине XIX в.

1. Общее состояние и отраслевая структура промышленности.
2. Начало промышленного переворота, его общая, региональная и отраслевая динамика.
3. Развитие городов, внутреннего рынка и внешней торговли.
4. Состояние транспорта

1. Общее состояние и отраслевая структура промышленности.

Отличительной чертой дореформенной экономики являлось неравномерное размещение промышленного производства по территории страны. Основными промышленными губерниями были центрально-нечерноземные и северо-западные. На их долю в начале 60-х гг. XIX в. приходилось 70% стоимости всего промышленного производства. Наиболее высоким уровнем отличались три губернии – Петербургская, Московская и Владимирская. Общий уровень промышленного развития других районов был намного ниже: Черноземный центр – 6,6%, Украина – 5,1%, Урал – 4,4%.

Среди отраслей доминирующее положение занимала обрабатывающая промышленность. Внутри этой отрасли главными были текстильная (хлопчатобумажная, полотняная, шерстяная, шелковая) и винокурение. В тяжелой промышленности преобладала металлургия (черная) и металлообработка. Характерным явлением для промышленности России того времени являлось параллельное и взаимосвязанное развитие всех трех форм организации промышленного производства: ремесла, мануфактуры и фабрики. Наряду с общим интенсивным ростом крестьянских промыслов, мелкой городской промышленности, мануфактур, усиливался процесс перерастания мелкотоварного производства в мануфактуру, переход от мануфактуры к фабричному механическому производству.

В России по-прежнему преобладало мелкое, в основном крестьянское производство. Общее число промышленных заведений (без горных заводов) к 1854 г. возросло до 9994, или почти в 2 раза по сравнению с 1825 г. Росло и число занятых в промышленности рабочих: в 1860 г. на 15338 предприятиях было занято 565 тыс. человек, в том числе 462 тыс. вольнонаемных и 103 тыс. крепостных, причем основная масса крепостных была занята в горнозаводской промышленности. Использование вольного труда в других отраслях производства к 1860 г. достигло 85%.

Происходили изменения в отраслевой структуре промышленности: во второй четверти XIX в. стали возникать новые виды мелкого товарного производства: изготовление ситцевых и шелковых тканей, тонких полотен, позументов, игрушек и мебели.

2. Начало промышленного переворота, его общая, региональная и отраслевая динамика. Совокупность экономических, социальных и политических сдвигов, происшедших в результате перехода от мануфактуры к фабричной стадии капиталистического производства, принято называть промышленным переворотом. Этот процесс имел две стороны – техническую (переход от ручного труда к машинному) и социальную (формирование промышленной буржуазии и промышленных наемных рабочих). Большинство историков и экономистов относят начало промышленного переворота в России к рубежу 30–40 гг., а его завершение к 80–90 гг. XIX в. Раньше всего этот процесс начался в текстильной промышленности (в первую очередь хлопчатобумажной), позднее – в горнодобывающей. В связи с переходом к машинной технике возрастает производительность труда (к середине века в три раза), ускоряются темпы экономического развития, постепенно меняется отраслевая структура промышленности.

С начальной стадией промышленного переворота в России связывают целый ряд изменений. К их числу относят начавшиеся систематические технические преобразования в отдельных отраслях производства: установка паровых котлов и паровых машин, применение механических веретен в бумагопрядении, механических ткацких станков в ткачестве, пудлингования в металлургии и т.д. Однако все это произошло несколько позднее, чем в передовых странах Европы, что наложило отпечаток на сроки, характер и особенности этого технического и социально-экономического явления.

Как известно, Англия первой прошла промышленный переворот и ее модель считается классической. Здесь уже в середине XVIII в. сложились условия для перехода к машинному производству. К тому моменту уже победила буржуазная революция, завершилось первоначальное накопление капитала, сформировались рынки рабочей силы и сырьевых ресурсов, возникли предпосылки для появления принципиально новых технических изобретений и их внедрения в производстве, что и обусловило исключительно быстрый переход от мануфактуры к фабрике. Технические изобретения сразу находили практическое применение, как произошло в 1765 г. со знаменитой механической прялкой «Дженни», созданной ткачом Харгривсом.

В России предпосылки промышленного переворота сложились только к началу XIX в. К 1800 г. страна вышла на первое место в мире по выплавке металла. На 149 заводах производилось примерно 10 млн. пудов (164 тыс. т) чугуна в год. Высокое качество и дешевизна русского металла обуславливали высокий спрос на него в других странах. Значительных успехов Россия добилась в текстильной мануфактурной промышленности. Вывозились сукно, полотна, канаты, веревки. Россия обладала богатыми сырьевыми ресурсами.

Значительны были и достижения российской технической мысли: чесальные и прядильные машины Р. Глинкова (1760–1770-е гг.), оригинальные станки А.К. Нартова (1693–1756 гг.). К.Д. Фролов в 1780-х гг.

создал на Змеиногорском руднике на Алтае комплекс сооружений и гидросиловых установок для механизации трудоемких производственных процессов. Его сын П.К. Фролов построил там же первую в России чугунную рельсовую дорогу на конной тяге, ввел ряд усовершенствований металлургического процесса. Русский теплотехник И.И. Ползунов в 1763 г. (за 20 лет до Дж. Уатта) разработал проект универсального парового двигателя – первой в мире двухцилиндровой машины непрерывного действия. Крепостные Демидовых Е.А. и М.Е. Черепановы построили в 1833–1834 гг. первый в России паровоз и железную дорогу длиной 3,5 км на одном из тагильских заводов. Хотя многие из этих изобретений были сделаны даже раньше английских разработок, большая часть достижений русских изобретателей не получила распространения. В условиях посессионной и дворянской мануфактуры рабочая сила оставалась дешевой, отсутствовали стимулы усовершенствования технологии производства.

Промышленный переворот в условиях сохранения в России крепостного права приобрел затяжной характер. До 1861 г. изменения затронули отрасли, применявшие вольнонаемный труд, что было характерно преимущественно для крестьянской текстильной промышленности.

Металлургическая промышленность. Раньше других отраслей промышленности почувствовала свою отсталость после промышленного переворота в Англии русская металлургия, работавшая на английский рынок. Первая после Ползунова паровая машина, созданная в России, была построена в 1790 г. на Александровском металлургическом заводе в Петрозаводске для откачки воды на Воицком руднике. Для водоотлива на Гумешевском медном руднике в 1799 г. была построена и первая на Урале паровая машина. Для освоения новой английской техники были приглашены английские инженеры. Однако паровые машины, построенные прибывшими из Англии мастерами, оказались «худой конструкции» и быстро выходили из строя. Первые машины обходились недешево – по 1000 руб. за л.с. и потребляли огромное количество дров. Но спрос на них в стране возрастал с каждым годом.

Лучший из приехавших мастеров, механик Чарльз Берд основал свой механический завод в России в 1792 г. с паровой машиной мощностью в 4 л.с. Но только в 1804 г. он построил первую паровую машину в 14 л.с. для Александровского казенного завода, но неудачно. Машина осталась стоять в бездействии. В 1810 г. Берд установил машину в 24 л.с. в Санкт-Петербургском арсенале, но уже через пять лет машина расшаталась, ее оси и колеса громко стучали, и она требовала капитального ремонта. В 1813 г. он поставил машину в 20 л.с. Тульскому оружейному заводу, но машина оказалась с дефектами и не функционировала. В 1815 г. Берд изготовил машину в 40 л.с. экспедиции заготовления государственных бумаг, но и она уже в 1824 г. потребовала капитального ремонта, так как при работе имела «необыкновенное трясение, опасное для нее и для здания». И все же Берд не разорился. В 1811 г. английский инженер приобрел дворянство, его механическая мастерская превратилась в крупный машиностроительный

завод, на котором в 1812 г. числилось 400, в 1824 г. – 900 человек.

Не смотря на рост энергетической мощности отдельных русских фабрик, в металлургической промышленности России динамичного роста производства не наблюдалось. Главенствующее место России в поставке железа на международный рынок довольно быстро утрачивалось. Если в конце XVIII в. Россия выплавляла столько же чугуна, сколько и Англия – около 8 млн. пудов, то в конце 1850-х гг. производство чугуна в России достигло 16 млн. пудов. В это время Англия, реконструировав отрасль с переходом на каменный уголь, к 1859 г. довела выплавку чугуна до 234 млн. т. Подобную ситуацию можно назвать кризисом русской металлургической промышленности, который был вызван тем, что во-первых, основанное на крепостном труде и отсталой технике, горнозаводское производство оказалось неконкурентоспособным и его продукция вытеснялась английским, более дешевым железом, производившимся методом пудлингования и во-вторых, излишней государственной опекой: в 1819 г. был введен запретительный тариф на импорт железа. Кроме того, экономическая политика правительства была направлена на поддержку посессионных заводов (в Уральском горном округе в 1844 г. их было 34, к ним было приписано около 178 тыс. крепостных, что порождало техническую отсталость).

Основную роль в горнозаводской промышленности по-прежнему играл Урал, дававший около 80% продукции. Продолжали действовать и отдельные сибирские заводы, и так называемые замосковные, расположенные в центральных губерниях Европейской России. Южный металлургический центр пока не сложился. К началу XIX в. в России насчитывалось 190 металлургических заводов.

Ведущее место по выплавке чугуна, производству железа, а также в добыче меди принадлежало частным – вотчинным и посессионным заводам. В канун реформы на Урале было 148 частных заводов, тогда как казенных – всего 24. Подавляющая часть того, что производилось частными заводчиками, шла на нужды казны.

В 1843 г. окончил с золотой медалью Институт горных инженеров и приступил к работе на уральских заводах П.М. Обухов, ставший гордостью русской металлургии. В 1854 г. он занял пост управляющего Златоустовской оружейной фабрики и внес большой вклад в процесс производства литой стали. Сабли, клинки, шашки и особенно первые стальные пушки, отлитые на этом предприятии, отличались высочайшим качеством. На второй Лондонской промышленной выставке 1862 г. стальная пушка Обухова была удостоена золотой медали и признана не уступающей орудиям знаменитого Круппа. За чрезвычайно короткое время в России были построены крупные сталелитейные заводы, основанные на обуховской технологии: Князе-Михайловская фабрика в Златоусте (1860 г.), Сталепушечный завод в Перми (1863 г.), Обуховский завод в Петербурге (1865 г.).

С 30-х гг. XIX в. происходила быстрая механизация российской *текстильной промышленности*, и в первую очередь молодой

хлопчатобумажной отрасли, в чем прослеживается повторение опыта технической революции западных стран. Вместе с тем текстильное производство имело как на Западе, так и в России глубокие традиции, а также емкий рынок сбыта. Поэтому эта отрасль не уступила своих позиций и в конце XIX в., несмотря на очень быстрый рост других отраслей.

В Англии рабочая сила сначала была насильственно оторвана от земли и пролетаризирована, а затем уже стала использоваться в мануфактурах. В России крестьяне, будучи юридически прикреплены к земле и помещикам, работали на мануфактурах, часто не теряя окончательной связи с земледелием. В отличие от английских мануфактурные рабочие в России больше были заняты не на централизованных, а на рассеянных мануфактурах. Мануфактура в XVIII в. представляла собой как крупную централизованную фабрику или завод, так и совокупность крестьянских изб-светелок, имевших от 6 до 20 станков. Наемная рабочая сила, представленная крестьянами, находящимися на денежном оброке, использовалась в большей степени именно на рассеянных крестьянских мануфактурах. Выходцем из крестьянской среды, а в большинстве случаев на первых порах даже крестьянином-оброчником был и предприниматель. Такие мануфактуры капиталистического типа были наиболее восприимчивы к техническим новшествам, удешевлявшим производство и повышавшим его конкурентоспособность. Посессионные и вотчинные предприятия проявляли инертность. Правительство не препятствовало распространению крестьянских мануфактур, так как они способствовали повышению платежеспособности населения. При этом посессионные и дворянские предприятия не страдали от конкуренции, поскольку они существовали в основном в тех отраслях, которые работали на казенный заказ: в суконной, полотняной, писчебумажной, горной промышленности.

Капиталистические мануфактуры получили наибольшее распространение в хлопчатобумажном производстве. К 1825 г. доля занятого в нем вольнонаемного труда составляла 95% всей рабочей силы. Именно с этой отрасли началось распространение промышленного переворота. Выросшая из кустарных промыслов хлопчатобумажная мануфактура к середине XIX в. вышла на первое место. Хлопчатобумажное производство начало развиваться сравнительно поздно, но получило возможность использовать опыт других текстильных отраслей, а отчасти и зарубежные достижения. Одной из важнейших причин его успеха стал широкий рынок сбыта, ориентация на массового потребителя.

Война 1812 г. разорила многие предприятия Московской губернии. Только через 10 лет опять началось строительство новых фабрик. В конце 30-х гг. XIX в. в России было 16 крупных хлопчатобумажных предприятий. Однако качество пряжи, а значит, и изделий оставалось низким. По-прежнему действовали устаревшие прядильные машины. Перелом наступил после отмены в 1842 г. запрета на вывоз из Англии бумагопрядильных машин. В 1850-е гг. Россия заняла пятое место в мире по выпуску

хлопчатобумажных тканей. К 1860 г. в России активно шло прядение на американском хлопке, значительно удешевившее готовые ситцы.

Бурное развитие хлопчатобумажной промышленности позволило ей составить мощную конкуренцию другим текстильным отраслям и выйти на первое место в промышленности. Этому способствовали удешевление продукции и повышение качества производства, которое стало возможным только в условиях применения машинного труда.

Остальные отрасли текстильной промышленности оказались готовы к восприятию технического прогресса в разной степени, что было связано с особенностями сырья, технологии и, главное, исторически сложившихся в отрасли типов предприятий.

В *полотняном производстве* ввиду конкуренции со стороны хлопчатобумажной промышленности с 1810-х гг. наблюдался застой, а в некоторые периоды (например, в 1820-х гг.) даже упадок. Полотняная отрасль, как более старая, была в большей степени связана с работой на дому, традиционной ручной технологией первичной обработки сырья, что сделало ее менее восприимчивой к техническому прогрессу. После 1812–1815 гг. многие крестьяне и представители промышленной буржуазии стали переключаться на хлопчатобумажное производство: Шевелкины, Корниловы, Морозовы, Зубовы, Масловы, Пантелеевы, Солодовниковы, Гусятниковы, Плотниковы и др.

Несколько иначе дело обстояло в *суконной промышленности*. Суконные предприятия создавались по инициативе правительства и находились под его покровительством. Государство усиленно стимулировало развитие отрасли, поскольку в условиях многочисленных войн XVIII–XIX столетий она приобрела стратегическое значение.

Покровительство властей, централизованное производство, отсутствие текучести кадров и растущий рынок сбыта делали технические изобретения привлекательными для предпринимателей-суконщиков. Кроме того, в сукноделии была возможность применения технологий хлопчатобумажного производства. Во второй четверти XIX в. суконная промышленность быстро развивается, догоняя по темпам роста хлопчатобумажную.

Значительные успехи суконной промышленности привлекли в отрасль «новых» предпринимателей, выходцев из крестьян, мещан, мелких третьегильдейских купцов, определенную заинтересованность стали выказывать и иностранцы. На этих предприятиях была занята наемная рабочая сила. Именно новые фабриканты стали пионерами в применении машин. Следует отметить, что в техническом отношении им не уступали и некоторые дворянские мануфактуры, например Глушковская суконная мануфактура князя Потемкина в Курской губернии.

Развитие *шелкового производства* также началось в XVIII в., однако в отличие от суконного и полотняного оно было весьма зависимым от импортного сырья. Это обусловило слабое распространение дворянских и посессионных мануфактур. В качестве предпринимателей чаще выступали представители торгового капитала, игравшие роль посредников,

распределявшие сырье, организовывавшие работу на дому и осуществлявшие сбыт готовой продукции. Круг потребителей шелковых тканей был при этом ограничен. В начале XIX в. серьезным конкурентом шелкового производства выступила хлопчатобумажная промышленность, перетянувшая значительное число мелких товаропроизводителей. Существенный рост выпуска и производительности труда наблюдался во второй четверти XIX в. Он стал возможен благодаря механизации производства и увеличению производительности труда.

Значительных успехов добилась *сахарная промышленность*, тоже относительно новая для России отрасль. До начала XIX в. Россия употребляла исключительно тростниковый сахар, который ввозился с Вест-Индских островов в виде сахарного песка не всегда удовлетворительной степени очистки. Чтобы довести товар до нужного качества, приходилось его очищать, что и делалось на сахаро-рафинадных заводах. К началу XIX в. таких заводов в России было семь. В это время в Германии появился способ изготовления сахара из свеклы, показавшийся весьма перспективной импортзамещающей технологией для России. С 1801 г. всем желающим производить свекловичный сахар предоставлялась земля для закладки плантаций сахарной свеклы. Государство продолжало и дальше поощрять сахарозаводчиков: в 1811 г. им было разрешено выкуривать спирт из очищенного рафинада или сахара-сырца. Благоприятно отразилась на развитии отрасли и континентальная блокада Наполеона, в результате которой сильно повысились цены на импортный колониальный сахар-сырец. Позднее существенную поддержку отрасли оказала протекционистская политика правительства.

Машиностроение в первой половине XIX в. не получило большого развития из-за сильной конкуренции английского производства. Русским машиностроителям трудно было соперничать с уже налаженным массовым, а потому более дешевым производством западных стран. Вместе с тем появился ряд заводов, ставших первенцами российского машиностроения. В Петербурге это были завод Берда и Александровский казенный завод. Они выпускали пароходы, паровозы, паровые машины, вагоны, промышленное оборудование. В Петербурге были основаны также Невский машиностроительный завод. В 1830–1850-х гг. были построены машиностроительные заводы в Москве, Екатеринбурге, Риге; в 1849 г. – Сормовский завод в Нижнем Новгороде. В целом к 1860 г. в России было уже около 100 машиностроительных заводов, причем только за 1850-е гг. производство машин возросло в 16 раз.

Достижения *химической промышленности* опирались на традиции русских промыслов (поташное, соляное, мыловаренное, кожевенное производство, смолокурение и т.д.), но в то же время отражали новые потребности, связанные с поиском новых методов производства красителей для текстильной промышленности. В середине XIX в. в стране было 111 химических заводов, на которых было занято 3300 рабочих. Например, производство хромовых соединений возникло в России раньше, чем в

Германии, являвшейся лидером химической промышленности. Первым крупным химическим заводом был Кокшанский завод Капитона Ушкова на Урале, построенный в 1850 г. Одним из передовых химических предприятий являлся также завод Карла Шлиппе в Верейском уезде Московской губернии, на котором в 1830-х гг. впервые в России был применен непрерывный метод получения серной кислоты. На Лондонской выставке 1851 г. высокую оценку получила продукция произведенная на этом заводе, а также свинцовые соли с фабрики московского купца В. Санина в Калужской губернии и малахитовые краски с Нижнетагильских заводов Демидовых.

Ограничения, связанные с охраной окружающей среды, были редки для русского законодательства. Первые экологические нормы появились в российском законодательстве на рубеже XVIII–XIX вв. Здесь вводился запрет на строительство фабрик и заводов в городах и выше городов по течению рек и протоков. Например, в Москве запрещалось учреждение новых чугунолитейных, стеариновых и сальных заводов, которые производили горючие химические вещества. Что касается лаковарных заведений, а также ткацких и красильных фабрик, то для их открытия требовалось разрешение московского генерал-губернатора. Таким образом, правительство сдерживало появление новых экологически небезопасных производств в городах.

3. Развитие городов, внутреннего рынка и внешней торговли. Несмотря на то, что Россия по-прежнему оставалась преимущественно сельской страной (к середине XIX в. численность городского населения составляла примерно 8%), тенденция к росту количества городов проявлялась весьма определенно. Общее число городских поселений увеличилось с 596 в 1811 г. до 678 в 1860 г., а количество горожан выросло в 2,2 раза. Это существенно превышало рост населения в целом по стране. Если количество городских поселений в первой половине XIX в. непрерывно росло, то их состав подвергался изменению. Города, традиционно выполнявшие экономические функции редко теряли свой статус, превращаясь в сельские поселения. Неустойчивостью отличалось положение городов, которые возникли как военные, административные или религиозные центры. Практически непрерывное вплоть до середины XIX в. изменение границ государства или продвижение внутренней колонизации на Юг и Восток стимулировало учреждение новых городов. Вместе с тем многие города представляли собой большие села, большинство жителей которых занималось земледелием на отведенных городам землях.

Российский город первой половины XIX в. – это, прежде всего, поселение многофункционального назначения со значительным населением, которое живет в условиях специфического уклада общественной жизни, своей деятельностью организует, тяготеющую к нему сельскую округу и объединяет ее в единый государственно-хозяйственный механизм (Б.Н. Миронов). Согласно данному определению города становятся средоточием

экономической, политической и культурной функций. При этом необходимо учитывать, что городом в позапрошлом веке назывался населенный пункт, признанный таковым официально государством. Дело в том, что в официальных городах торгово-промышленное население приобретало особое юридическое положение граждан, а их личные и имущественные права защищались законом. Только официальный город мог быть центром административной, судебной и военной власти. Вполне очевидно, что официальный город располагал несопоставимо большими возможностями для того, чтобы стать центром экономической, культурной и религиозной жизни, чтобы привлекать сельское население и таким образом наращивать свой потенциал.

В обозначенный период сформировалась территориально-административная структура и иерархизированная система городов – столичные, губернские, уездные и так называемые заштатные (не являвшиеся центром губернии или уезда), – которая существовала на протяжении XIX в. При этом в уездных городах проживало до 88% городского населения, а вместе с заштатными городами – 93%.

Города по числу жителей разделялись на малые (до 5 тыс. человек), средние (5–25 тыс.) и крупные (свыше 25 тыс.). Средний город был наиболее распространенным на протяжении всего периода. При количественном преобладании малых городов возрастало число городов с населением свыше 50 тыс. человек. При общем замедлении темпов урбанизации в России со второй половины XVIII в. наблюдался процесс концентрации городского населения. В 1856 г. в трех крупнейших городах с населением свыше 100 тыс. человек (Петербург – 540 тыс. человек, Москва – 462 тыс. человек и Одесса – 378) проживало около 17% всего городского населения страны. В 15 городах с населением свыше 50 тыс. человек – до 30% жителей города.

Не смотря на значительное число городов в России в первой половине XIX в. плотность городских поселений с учетом размеров территории страны была чрезвычайно низкой. Особенно очевидной подобная ситуация становится при сравнении России со странами Центральной и Западной Европы. Расстояние между городами наиболее населенной европейской части России составляло в среднем 86 км, в Сибири – 507 км, в то время как в Австрийской империи расстояние между городами равнялось 27 км, в Англии – 17 км, во Франции этот показатель составлял 14 км. Большинство исследователей сходятся во мнении, что высокая плотность городов создавала наиболее оптимальные условия для превращения товарно-рыночных отношений в повседневные и регулярные. При такой плотности городов как в Западной Европе и хорошем состоянии путей сообщения главный сельский производитель – крестьянин в течение дня мог добраться до города (рынка) и вернуться назад (торговля на т.н. «короткие расстояния»). Там, где плотность городов была высокой, закономерно возникла целая сеть локальных и регулярных рынков, взаимодействующих между собой (Западная Европа, Китай). В России большое расстояние между городами и плохое состояние сухопутных коммуникаций затрудняло

установление стабильных экономических связей между городами, а также между городом и сельской округой.

Характеризуя состояние российских городов в первой половине XIX в. современники зачастую использовали такие оценки как «плохое», «кризисное» или «упадок». В статистических данных, собранных Министерством внутренних дел в 1825 и 1852 гг., жизнь многих российских городов представлена как неподвижная, остановившаяся в своем развитии. В подавляющем большинстве городов деревянные постройки доминировали в численном отношении над каменными строениями. Даже в таких крупных центрах как Санкт-Петербург и Москва деревянных построек в 1825 г. было в 2 раза больше чем каменных. В целом ряде российских городов на общегосударственном уровне допускалось крыть дома соломой с раствором глины. Данные статистики 1852 года зафиксировали, по сути, положение дел на 1825 г.

Официальные лица, представители торгово-промышленных кругов и исследователи того времени усматривали причины стагнации городов в самых различных факторах: военно-административном происхождении и назначении многих городов, натуральном характере хозяйственной деятельности российской деревни практически не нуждавшейся во взаимодействии с городом, узости внутреннего рынка, обремененности городского населения налогами и повинностями, низкой результативности деятельности городских органов самоуправления. В итоге нередко звучало мнение о том, что жизнь в городе не располагает удобствами и не привлекает население из сельской местности. В подобных неблагоприятных условиях часть горожан переселялась в деревню, где существовало больше возможностей для обустройства их жизни.

Однако современники рассматривали города, как правило, в статическом состоянии не учитывая при этом связанной с их развитием динамической составляющей. Не смотря на существенное различие между российскими и западноевропейскими городами по образу жизни и уровню развития, в первой половине XIX в. городская промышленность и торговля России демонстрировали заметные успехи. Возросло количество городских предприятий, численность занятых на них рабочих, в 30-е гг. XIX в. начался промышленный переворот, расширилась торговая сеть. За период с 1830-х по 1860-е гг. городские доходы Европейской России возросли с 5 млн. до 11.7 млн. золотых рублей, т.е. в 2.3. раза. В пересчете на душу населения городские доходы за обозначенный период увеличились в 1.8 раза.

Одним из важнейших процессов, характеризующих социально-экономическое развитие России, было складывание *единого всероссийского рынка*. В исторической литературе существуют разные точки зрения по этому вопросу. И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов относят образование единого всероссийского рынка к 80-м годам XIX в., Б.Н. Миронов признает функционирование общероссийского товарного рынка уже в конце XVIII в., отмечая, впрочем, его отличительные черты по сравнению со всероссийским капиталистическим рынком (в частности, невысокую степень проникновения

товарных отношений в аграрный сектор экономики). Тем не менее, уже в первой половине XIX в. наблюдался динамичный процесс формирования внутреннего товарного рынка. Этот процесс был обусловлен ростом населения, разрушением замкнутости крестьянского и помещичьего хозяйства, углублением специализации сельскохозяйственного и промышленного производства.

Основными «агентами» рыночной торговли являлись купцы и крестьяне. На протяжении первой половины XIX в. наблюдалось увеличение численности крестьян занимавшихся торговлей. Для ведения розничной или оптовой торговли крепостной крестьянин должен был с разрешения помещика или управляющего получить разрешение, а после этого ему предоставлялось право получить особое свидетельство. Число подобных свидетельств составляло в 1830 г. 4027, а к 1850 г. возросло до 7482. Нередко «торгующие крестьяне» успешно конкурировали с гильдейским купечеством. Наиболее прочны были позиции крестьян в мелкой розничной торговле. В Москве крестьяне, занимавшиеся торговлей, сумели существенно потеснить гильдейское купечество, составив в 1845 г. почти 45% торгующей части населения.

Энергия и предприимчивость «торгующих крестьян» расширяла инфраструктуру, связанную с обслуживанием пребывавшего в тисках крепостного права сельского населения. Внедрению фундаментальных рыночных принципов основанных на действии механизма спроса и предложения способствовал указ 1842 г. Данный закон подрывал монопольное право гильдейского купечества на реализацию промышленной продукции. Тем самым ценообразование на промышленные товары осуществлялось на основе конкуренции между отдельными товаропроизводителями.

Важной формой торговли в первой половине XIX в. были ярмарки. Торговые обороты некоторых из них оценивались в десятки миллионов рублей. Крупнейшими ярмарками России были Нижегородская, Ирбитская (в Сибири), Коренная (под Курском), многочисленные украинские ярмарки – общее число ярмарок приближалось к 4 тыс. Характерно, что наиболее крупные из них постепенно трансформировались в товарные биржи. Следует, однако, отметить, что наряду с ярмарками с конца XVIII в. успешно развивалась и постоянная (магазинная) торговля, широко развита была и торговля вразнос. В Москве, Петербурге, Ярославле в начале XIX в. были построены гостинные дворы.

Развитие внутреннего рынка сочеталось с расширением внешней торговли России. Расширение товарных и капиталистических отношений все больше втягивало Россию в систему мирового рынка. В связи с этим внешняя торговля приобретала новое содержание и значение в экономике страны. В первые годы XIX в. хлеб, занимавший во второй половине XVIII в. среди экспортируемых продуктов шестое место, перемещается на первое, вытеснив чугун. Подобные изменения в структуре российского экспорта можно объяснить двумя причинами. Во-первых, в результате глубоких

технологических сдвигов произошло серьезное изменение конъюнктуры на мировом рынке чугуна: Англия, Германия, США стали сами обеспечивать себя металлом. Россия, значительно отставшая по темпам развития металлургии в первой половине XIX в., не смогла преодолеть возникший разрыв. В результате существенно изменилось положение России на мировом рынке металла, и в течение первой половины XIX столетия она сместилась со второго места в мире на четвертое. Во-вторых, помещики стали все большую часть хлеба производить на продажу, и частности для внешнего рынка, где за Россией закреплялась роль экспортера преимущественно сельскохозяйственных товаров.

Хотя торговые обороты в результате изменений таможенной политики, неурожаев, неустойчивости международных отношений подвергались большим колебаниям, все же размер, внешней торговли России увеличился за 1801–1860 гг. в 3.5 раза. Чаще всего преобладал активный торговый баланс. Исключением были 1820, 1821, 1826, 1848, 1849, 1851 гг., когда импорт превышал экспорт. Либеральный тариф 1819 года способствовал увеличению ввоза иностранных товаров в Россию в последующие годы.

В результате увеличения спроса на хлеб на мировых рынках, увеличивался его экспорт. Среднегодовой вывоз хлеба (пшеницы, ржи, ячменя и овса) возрос с 5120 тыс. пуд. в 1806–1810 гг. до 69254 тыс. пуд. в 1856–1860 гг. Тем не менее, экспорт хлеба составлял незначительную долю от его производства. Оборот хлеба (внутренний и внешний) составлял около 20% всего производства (60 млн. четвертой из 250). На долю экспорта в начале XIX в. приходилось немного более 1% урожая основных хлебов. Этот процент повысился в 1850–1855 гг. до 2,5%.

Россия в первой половине XIX в. становится главным поставщиком хлеба на мировой рынок. Много русской пшеницы ввозила Англия. Особенно быстро стал возрастать вывоз хлеба из России после того, как в 1846 г. в Англии были отменены законы, ограничивавшие ввоз русского хлеба. Перед крестьянской реформой стоимость вывозимого хлеба составляла около 35% стоимости всего экспорта. Второе место принадлежало пеньке (правда, ее значение в экспорте в 1856–1860 гг. снизилось); крупную роль играл вывоз сала, льна. Вместе с хлебом увеличилась в экспорте доля семян, шерсти.

В мировом товарообороте на долю России приходилось в 1800 г. 3,7%, а в 1850 г. – 3,6%, т.е. ее удельный вес остался почти без изменения. Среди стран, торговавших с Россией в первой половине XIX в., первое место как по экспорту из России (37%), так и по импорту (29,2%) принадлежало Англии. Россия была поставщиком хлеба и сырья для быстро растущей английской промышленности. В силу относительно слабого развития русской обрабатывающей промышленности часть сырья, вывезенного из России и переработанного в Англии, возвращалась обратно уже в виде готовых изделий.

Второе место в торговом обороте России принадлежало Германии (11,4%), третье – Франции (9,8%) и четвертое – Китаю (6,7%). Экспорт

России в страны Запада составлял около 90%, а в страны Востока – около 10%. В Китай вывозились пушнина, сукна, льняные и хлопчатобумажные ткани, юфть. Основным товаром, импортируемым из Китая, в это время был чай, импорт которого в Россию возрос с 45 тыс. пудов в 1802 г. до 461 тыс. пудов в 1860 г. Характерно, что сальдо внешнеторгового баланса России с восточными странами был все время отрицательным. По сравнению с европейскими странами существенно отличалась структура экспорта. Если в Европу Россия поставляла почти исключительно сырье, то в страны Востока направлялись преимущественно изделия промышленности.

Среди импортируемых в Россию товаров в 1816 г. впервые был зафиксирован ввоз машин на сумму в 35 тыс. руб. ассигнациями. В дальнейшем ввоз машин для фабрик сильно возрос и в дореформенное десятилетие составил уже 54 млн. руб. серебром. Структура импорта за первую половину XIX в. значительно изменилась, отражая перемены в российской экономике. В стоимости импорта сильно снизилась доля сахара, тканей и хлопчатобумажной пряжи и увеличилась доля хлопка-сырца для растущей хлопчатобумажной промышленности. Второе место в импорте занимали красители, далее шли машины, вино, сахар и чай. Первое место по стоимости привозимых в Россию товаров принадлежало по-прежнему Англии (29,2%), далее следовала Германия (15,7%), Франция (9,2 %) и Китай (7,6 %).

Внешняя торговля проходила преимущественно по морским границам, и лишь в середине XIX столетия заметно возросло значение сухопутной границы. Морская торговля в большей степени осуществлялась на иностранных судах, что указывает на малочисленность русского торгового флота того времени. Среди судов, заходивших в 1802 г. в русские порты, русские суда составляли всего лишь 7,2%. К 1850 г. удельный вес кораблей русского торгового флота возрос до 16,6%.

С увеличением экспорта хлеба значение черноморских портов быстро возрастало, поскольку именно через них преимущественно вывозился хлеб. Если в 1802 г. из 3710 судов заграничного плавания, зашедших в русские порты, 2786 прибыло в порты Балтики и лишь 706 – в порты Черного и Азовского морей, то в 1850 г. из 6560 судов в порты Балтийского моря зашло 3423 и в порты Черного и Азовского морей – 2590 судов. Государство стимулировало развитие торговли на Черном море: в 1803 г. все таможенные пошлины на ввозимые и вывозимые товары были понижены для Черноморья на 25%.

4. Состояние транспорта. С постройкой первого парохода в 1813 г. на заводе Берда в Петербурге началась эпоха российского судостроения и навигации. В 1817 г. этот завод получил привилегию на постройку пароходов. После разрешения в 1843 г. свободного пароходства по рекам возник целый ряд пароходных компаний для внутреннего сообщения. К 1860 г. в их собственности находилось около 30 пароходов. Первым было «Пароходное общество по Волге», созданное в 1843 г. с основным капиталом

1 млн. 300 тыс. руб., составленным из 5200 паев по 250 руб. каждый. Общество «Меркурий» было основано в 1849 г. для срочного сообщения по Волге, Оке, Каме с основным капиталом 750 тыс. руб. Общество «Медиатор» было учреждено в 1853 г. с основным капиталом 300 тыс. руб. для перевозки грузов между Петербургом и другими балтийскими портами. В том же 1853 г. было создано товарищество легкого пароходства по Волге «Самолет» со складочным капиталом 250 тыс. руб. Высокие отраслевые требования к размерам уставного капитала побуждали к учреждению предприятий акционерно-паевой формы собственности.

Еще с 1830-х гг. в морском торговом флоте стали возникать компании морского пароходства со смешанным капиталом с участием государства. На Балтике обосновалась Рижская компания, учрежденная в 1856 г. Но наибольшую известность получило «Русское общество пароходства и торговли» – РОПИТ, созданное в 1856 г. с основным капиталом 6 млн. руб. (20 тыс. акций). Оно осуществляло международные торговые и каботажные перевозки из черноморских портов России и пользовалось исключительным покровительством правительства. РОПИТ получало бюджетные субсидии, ему были безвозмездно отведены некоторые донские угольные копи. При этом государство стало держателем пакета в 6670 акций, отказавшись на первые пять лет от причитавшихся по ним дивидендов. Следует признать, что вложенные государством средства не пропали даром, и российское торговое общество впервые составило серьезную конкуренцию иностранным компаниям морского торгового флота. Аналогичное акционерное общество «Кавказ» было учреждено на Каспийском море в 1858 г. с основным капиталом 3 млн. руб., разделенным на 12 тыс. акций. Впрочем, «Кавказ» получил меньше льгот от государства. Впоследствии общества «Кавказ» и «Меркурий» объединились. В том же 1858 г. возникли Рижское общество для перевозки товаров и пассажиров между портами Балтийского моря, общества «Дельфин» и «Северное» для перевозки товаров и пассажиров по Ладожскому и Онежскому озерам и несколько мелких компаний.

Столь успешное развитие водных путей сообщения было подготовлено мероприятиями по созданию системы судоходных каналов, связавших Волгу с Балтийским бассейном и Северной Двиной, а Днепр – каналами с Западной Двиной и Вислой. Еще в период правления Екатерины II и Павла I были построены Огинский канал, соединивший Припять с Неманом, и Королевский канал, связавший Припять с Бугом (1797 г.). Для обхода озера Ильмень был проведен Сиверсов канал (1797 г.), усовершенствованы Вышневолоцкий и Вытегорский каналы (последний был переименован в Мариинский в 1799 г.). В начале XIX в. был окончательно завершен Огинский канал, создана Екатерининская система, объединившая Каму с Северной Двиной (1803 г.), сделана попытка соединения Дона с Шатью и построен Тихвинский канал. В 1829 г. была создана система герцога Виртембергского для соединения Ладожского бассейна с Двинским. В 1831 г. был закончен Вышерский канал, а также приняты меры по расчистке и углублению рек. В 1855 г. началась эксплуатация Александровского

сообщения по реке Сейм, сооружена Днепровско-Бугская система, расчищены уже действовавшие каналы в обход озер Белое и Онежское. Значительные средства были вложены в обустройство портовых сооружений и речных пристаней. Столь серьезное отношение к водным путям сообщения обуславливалось их относительной дешевизной и простотой доставки грузов по воде в условиях развивавшегося внутреннего рынка.

Вместе с тем в 1817 г. Россия впервые приступила к устройству шоссейных дорог, причем особенно активный период их создания пришелся на 1836–1855 гг. Важнейшие транзитные шоссе дореволюционной России были построены в этот период: Московско-Варшавское шоссе – 999 верст. Киевское шоссе – 787, Подольско-Харьковское – 643, Петербурго-Московское – 676, Киево-Брестское – 553, Двинское – 477, Московско-Нижегородское – 382, Ярославское – 239 верст и др., что дало возможность уже во второй четверти XIX в. наладить регулярное почтовое сообщение. Менее успешно, но достаточно быстро развивалась телеграфная связь.

Самым важным событием как в развитии системы транспортных коммуникаций, так и в собственно промышленной революции явилось начало строительства железных дорог. Первая железная дорога в России была введена в строй в 1838 г. на линии Петербург–Павловск. Для ее постройки было дано высочайшее разрешение на учреждение в 1837 г. акционерного общества с основным капиталом 1 млн. 50 тыс. руб., разделенным на 17500 акций по 60 руб. Казенные земли под дорогу были отпущены безвозмездно, с частными землевладельцами общество вынуждено было договариваться самостоятельно. Необходимое для строительства железо рекомендовалось покупать у отечественных производителей при условии, что последние не будут завышать цены по сравнению с иностранцами более чем на 15%. В противном случае разрешалось приобретать импортный металл.

Первая железная дорога не имела экономического значения и дала повод некоторым влиятельным представителям официальных кругов утверждать, что в условиях громадных пространств России железнодорожное сообщение бесперспективно. Положительную оценку новый вид транспорта получил в кругах передовой российской общественности, в первую очередь, среди представителей прессы, университетских ученых, а также сотрудников Института корпуса инженеров путей сообщения. Именно благодаря активным инженерно-экономическим исследованиям преподавателей и выпускников института П.П. Мельникова, С.В. Кербедза, Н.О. Крафта и, что немаловажно, личной заинтересованности Николая I, во второй четверти XIX в. в России была построена экспериментальная сеть усовершенствованных путей сообщения в составе еще 3 железнодорожных линий: Варшавско–Венской, Петербурго–Московской (в 1855 г. переименована в честь умершего императора в Николаевскую) и части Петербурго–Варшавской общей длиной 979 верст, что составило 1,5% длины общемировой железнодорожной сети.

Столь ограниченные масштабы железнодорожного строительства в России объясняются прежде всего отсутствием необходимых для этих целей капиталов внутри страны (сооружение Николаевской магистрали заняло 10 лет при чрезвычайном напряжении экономики всего государства), а также, скептическим отношением иностранных предпринимателей к возможности прибыльной эксплуатации железных дорог в России. Кроме того, последовательный сторонник политики бюджетного равновесия министр финансов Е.Ф. Канкрин смотрел «на излишнее железнодорожное строительство как на болезнь времени» и считал, что само «правительство должно взяться за дело и держать его в руках». В связи с этим сооружение железных дорог при Николае I осуществлялось главным образом за счет казенного финансирования (исключением стала Царскосельская линия).

РЕПОЗИТОРИЙ ГТТУ ИМЕНИ Ф.СКОРНИНОВА